

В. Л. Муравьев

ЯКРИКЛЮЧЕНИЯ Кольки Кочерыжкина

Рисунки
Л. Владимировского

Издательский дом «Речь»
Санкт-Петербург — Москва
2017

Вл. Муравьев

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Кольки
Кочерыжкина

РИСУНКИ
Л. Владимировского

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)6
М91

*Печатается по изданию: Муравьев Вл. Приключения
Кольки Кочерыжкина. — Москва : Детская литература, 1965.*

Муравьев, В. Б.

Приключения Кольки Кочерыжкина / Владимир Муравьев ; рисунки Леонида Владимировского. — Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2017. — 144 с. : ил.

ISBN 978-5-9268-2420-6

ISBN 978-5-9064-1437-3

Жил-был младшеклассник Колька Кочерыжкин. Жил по принципу: «Уроки небось уже начались, значит, спеши не спеши — всё равно опоздал». В кармане Колька носил перочинный ножик, которым легко и тоненькую берёзку срезать, и кору с осины ободрать, и обломать цветущую черёмуху... Деревья не стали терпеть обиду и объявили Кочерыжкину бойкот. Но Колька угрозы не испугался и сам объявил деревьям войну. В союзники он взял жуков-вредителей. Колька показал жукам дорогу в молодую Пионерскую рощу, за что был удостоен звания «короеда». Ещё Кольке очень хотелось, чтобы жуки съели его пятую парту в третьем ряду... Но вдруг Колька понял, что вместе с партией жуки съедят и класс, и школу, и посёлок, — всё-всё превратится в труху!..

Рисунки к приключениям Кольки Кочерыжкина создал любимый детский художник Леонид Владимировский.

© Вл. Муравьев, текст, 2014

© Л. Владимировский, наследники, иллюстрации, 2017

© ООО «Издательский дом «Речь», 2017

Часть первая

Колька и Старый Дуб

Колька проснулся и, не открывая глаз, прислушался. В доме было тихо. Лишь часы громко тикали за стеной.

«Наверное, ещё рано», — подумал Колька и перевернулся на другой бок. Но спать больше не хотелось. Он встал, потянулся, подошёл к окну.

Было ясное солнечное утро — настоящее летнее утро, хотя до лета оставалась ещё целая неделя.

Вдали, в самом конце улицы, Колька увидел ребят с портфелями и ранцами. Ребята шли в школу.

— Эх, опять проспал! — проговорил он с досадой.

Ноги — в брюки, тетради — в портфель, фуражку — на голову, булку — в рот, — и через три минуты Колька был уже на улице.

— Ребята-а! Подождите меня-а!..

За посёлком сразу начинался лес.

Между деревьями в прозрачной тени вилась чистая, как будто подметённая, тропинка. То там, то здесь, пробившись сквозь негустую листву, падали на неё солнечные зайчики. Попрыгав немного на одном месте, они затевали весёлую гонку по всему лесу: заглядывали в доверчиво растопыренные кленовые листья-ладошки, взбегали вверх по белым стволам берёз, прыгали по хрупкой кислице* и, словно озорные мальчишки, лезли в каждую лужу.

— Ребята-а! Ого-го-о! — кричал Колька на бегу.

Но ему отвечало лишь эхо: «Го-го-о!»

— Эй! — крикнул Колька ещё громче.

«Эй! — подхватило эхо. — Эй! Эй!»

Колька остановился и прислушался. Эхо, словно прячась, перебегало от дерева к дереву и из-за каждого покрикивало: «Эй! Эй! Эй!»

Колька свистнул и запел во всё горло:

*Не слышны в саду даже шорохи,
Всё здесь замерло до утра-а!*

Эхо повторяло за ним каждый звук.

Но скоро Кольке надоело кричать. Он поглядел на пустую тропинку, почесал в затылке и задумчиво сказал:

— Уроки небось уже начались. Значит, спеши не
6 спеши — всё равно опоздал. — Потом он достал

* Кислица — травянистое растение, народное название — «заячья капуста».

из кармана новенький перочинный ножик, раскрыл его, повертел на ладони и оглянулся вокруг. — Ну-ка, попробуем, как режет.

Колька подошёл к тонкой берёзке, которая была ростом чуть-чуть повыше его самого, осмотрел её со всех сторон и — раз, раз — резанул берёзку под корень. Потом слизнул с тоненького пенька сладкую каплю сока и принялся выстреливать рогатку.

Нож оказался очень острый, Колька стругал, стругал рогатку и перестругал.

Тут ему на глаза попала толстая осина. Её гладкая тёмно-зелёная кора блестела, как только что вытертая классная доска. Колька выбросил испорченную рогатку, примерился и вырезал на осине большими кривыми буквами:

ЗДЕСЬ БЫЛ КОЛЯ КОЧЕРЫЖКИН

Полюбовался Колька надписью, положил ножик в карман и пошёл дальше не по тропинке, а прямо по лесу, шурша сухими прошлогодними листьями и наподдавая ногами опавшие сучки и шишки.

Возле пушистой черёмухи он остановился.

«Наломаю-ка черёмухи в школу — будет букет», — решил Колька и полез на дерево.

Он ломал одну ветку за другой, и скоро под черёмухой вырос огромный белый ворох, а сама черёмуха стала похожа на растрёпанную метлу.

Потом Колька забрался ещё выше, схватился за тонкую вершинку и повис на ней, весело дрыгая ногами. Черёмуха задрожала, изогнулась, а Колька поплыл к земле, как на парашюте.

Вдруг ствол треснул, как будто ойкнул от боли, и Колька полетел кувырком прямо на свой букет. Хрустнули тонкие веточки, снежным облаком поднялись белые лепестки.

Сломанная черёмуха склонилась к земле и уж больше не поднялась. А Колька встал на ноги, отряхнулся и с сожалением посмотрел на испорченный букет. Он уже собрался идти дальше, как вдруг услышал укоризненный голос:

— Нехорошо, Колька Кочерыжкин. Стыдно.

Колька так и остановился с поднятой ногой. Он осторожно поглядел направо, налево, обернулся назад. Вокруг стояли деревья — липы, берёзы, осины, ёлки, на повороте, прямо против Кольки, раскинул могучие узловатые ветви старый дуб, а больше никого не было видно.

— Кто это... говорит? — тихо спросил Колька.

— Я говорю, Старый Дуб. Стыдно, Колька Кочерыжкин. Зачем ты срёзал берёзку, зачем испортил

кору на осине безобразной надписью, зачем сломал черёмуху? Ты загубил понапрасну три дерева, лишился их сам и отнял у людей.

Колька, опомнившись, с досадой проговорил:
— Вот ещё новое дело! Подумаешь!.. Да по мне — хоть бы совсем деревьев не было.

Старый Дуб возмущённо взмахнул ветвями и сердито сказал:

— Ах так! Ну, тогда запомни, Колька Кочерыжкин: с сегодняшнего дня у нас, у деревьев, с тобой дружба врозь. Обходись без нас как знаешь.

/

Начинаются неприятности

— Ну и ладно, обойдусь, не заплачу, — бормотал Колька, бредя по тропинке. — Подумаешь — дружба врозь. Тоже мне, друзья нашлись.

Только он это сказал, как в лесу потемнело. Чёрная туча закрыла солнце, и в ту же минуту хлынул дождь.

Колька скорее под ёлку, как под крышу, а ёлка раздвинула свои густые ветви-лапы, и опять над ним открытое небо. Колька — под берёзу, а берёза подняла мокрые ветки да как тряхнёт ими — попал Колька под два дождя сразу.

Понял он, что в лесу ему не укрыться от дождя, и со всех ног бросился бежать к школе.

Вот один поворот, вот другой, а вот и ручей. Летом в нём только воробьям купаться, а тут разбурлился, разлился — не то чтобы широко, но не перешагнёшь и не перепрыгнешь.

Колька — к мостику.

А мостик — две дощечки — выскочил прямо

Прыгнул Колька через ручей, не допрыгнул и — бух в воду. Вымок до нитки да ещё зачерпнул воды в портфель и в карманы. А туча пронеслась дальше. Снова засверкало солнце, и уже через несколько минут всё вокруг просохло. По лесу вновь забегали весёлые солнечные зайчики.

Один Колька уныло брёл по тропинке, мокрый, встрёпанный и скучный.

Пройдя немного, он свернул с тропинки в кусты и вышел на поляну.

На краю поляны росла большая ольха. Одна её ветка, склонившись, протянулась через всю поляну.

Колька снял с себя мокрую одежду: рубаху, брюки, майку, трусы — и повесил на ветку сушиться.

Одежда сохнет. Колька греется на солнышке и слушает, как, раскачиваясь на тоненьких ветках, две синицы ведут оживлённый разговор.

Вдруг над Колькиной головой что-то просвисело, рассекая воздух. Колька протянул руку за трусами, но трусов не было. Он оглянулся и с ужасом обнаружил, что вся его одежда исчезла.

— Это вы утащили? — замахнулся Колька на синиц. — Сейчас же отдайте, а то вот сделаю рогатку...

— Рогатка! Рогатка! У него рогатка! — испуганно заверещали синицы, улетаая. — Спасайтесь!

Колька посмотрел вверх и увидел свои трусы. Замечательные, красивые — синие с красной каёмкой и карманом, — они висели высоко-высоко среди зелёных листьев, как флажок на новогодней ёлке. А рядом с трусами на выпрямившейся ветке покачивалась вся остальная Колькина одежда.

Колька разбежался, подпрыгнул, стараясь ухватить свисавшую брючину, но не достал. Подпрыгнул ещё раз и опять не достал.

Он хотел влезть на дерево, да не тут-то было.

Ольха росла среди густого кустарника, и добраться до неё оказалось не просто. Сунулся

Колька спереди — там, как часовые,

стоят коренастые колючие

ёлочки. Сунулся спра-

ва — обожгла крапива;

сунулся слева — оцара-

пал малиновый куст;

зашёл сзади, а там

и малина, и крапива,

и ещё какие-то кусты

с маленькими листь-

ями и с большими ко-

лючками. С какой тут

стороны подойти?

Вдруг сверху послышалось:

— Тут-тут-тут.

— Где тут? — спросил Колька, поднял голову и увидел на соседней сосне длинноносого чёрного Дятла в красной шапочке и с книжкой под крылом. Дятел перестал стучать носом по сосне и поглядел на Кольку.

— Здравствуй, мальчик, — сказал он и вежливо приподнял свою шапочку. — Ты здоров?

— Здоров, — буркнул Колька. — А тебе-то что?

— Как — что? Я — главный лесной врач. Ну, раз ты здоров, полечу дальше. Мне сегодня предстоит ещё осмотреть десять осин, пять берёз и двадцать одну черёмуху.

И теперь, уже с соседней берёзы, понеслось его быстрое «тут-тут-тут».

— Ишь стучит, и горя ему мало, а тут прыгай нагишом! — рассердился Колька. Он в сердцах* схватил палку и запустил в Дятла. — Кыш! Врач какой нашёлся!

— Безобразие! — крикнул Дятел и улетел, возмущённо щёлкая клювом.

Неожиданная помощь

Колька сел на пень, опустил голову и задумался: «Что же теперь будет? Как достать одежду?»

А когда он поднял голову, так ничего и не придумав, то увидел перед собой трёх жуков с длинными крепкими носами, из-под которых росли пушистые усы. Один жук был большой и важный, другой — поменьше, третий — совсем маленький, целая жучиная семья: жук, жучиха и жучонок. Жуки стояли на задних лапках и шевелили усами.

— Здравствуй, Коля, — сказал жук. — Я — Большой Долгоносик. Есть ещё Малый Долгоносик, так мы даже не родственники, а всего лишь однофамильцы. Спасибо тебе, Коля, ты спас нашу семью от верной смерти. Если бы не ты, этот Дятел нас склевал бы.

* В сердцах — в гневе.

— Ты здорово кидаешься! — пискнул жучонок.
— Чего там... — махнул Колька рукой. — Вот если бы я по-настоящему прицелился, тогда бы ему не поздоровилось.

Жуки заговорили наперебой:

— Молодец! Одно слово: молодец.

— Милый мальчик!

— Правильный парень!

Колька выпятил грудь и задрал кверху нос. Но, задрав нос, он увидел плывущие по голубому небу белые облака, а под облаками свои трусы и брюки. Они уже совсем высохли и с лёгким шуршанием покачивались на ветерке.

Колькин нос сразу опустился к земле, от его бравого вида не осталось и следа.

— Что с тобой, приятель? — спросил Большой Долгоносик. — У тебя такой вид, будто тебя вдруг опрыскали жидким дустом.

— Штаны, — печально сказал Колька и показал вверх.

Жуки задрали головы.

— Ой-ой-ой, куда ты их повесил! Не всякий жук может забраться на такую высоту.

Колька вздохнул:

— Это не я. Это Оляха утащила мою одежду. Такая вредная. И все они, деревья, вредные. Старый

Дуб даже ругать меня вздумал, а я ему говорю:
«Подумаешь, какой выискался! Цыц!»

— А он? — ахнули жуки.

— А он, понятно, разозлился и говорит: «Теперь у нас, у Деревьев, с тобой, Колька Кочерыжкин, дружба врозь».

— Неужели? Не может быть!

— Вот провалиться мне на этом месте!

— Но из-за чего же он так на тебя?

— Да из-за ерунды. Ну подумаешь, срезал ножиком одну берёзу на рогатку.

— А кору на осине кто попортил? А черёмуху кто сломал? — прошелестела Ольха. — И всё это за какие-нибудь полчаса!

— Какой герой! — в восхищении закричали жуки. — Нам за год не совершить столько подвигов. А ты — за полчаса.

— Да я бы ещё не то сделал. Только бы вот одежду достать.

— А ты срежь Ольху, — посоветовал Большой Долгоносик, — под корень.

— Я бы срезал, да ножик в брюках остался, — вздохнул Колька.

— Тогда сломай её.

— Я бы сломал, да подойти не могу, выросли
16 вокруг всякие колючки и не пускают.

— А ты по земле, под ветками, — пискнул жу-
чонок.

— Не говори глупостей, — строго сказала жучи-
ха. — Коля большой. Он даже больше папы. Ему
под ветками не пролезть.

Большой Долгоносик на минуту задумался
и вдруг громко воскликнул:

— Мы тебе поможем, Коля! Мы заставим Ольху
отдать тебе твои штаны. Жди меня здесь, я скоро
вернусь.

Когда Большой Долгоносик вернулся на по-
лянку, за ним спешили три других жука.

— Это мои двоюродные братья, — сказал жук, —
мы грызём кору, а их профессия — вжик-вжик —
пилить и рубить ветки. Они жуки-дровосеки.

Братья-дровосеки — чёрные, рослые, похожие друг на друга — в один голос крикнули: «Привет!» — и бегом устремились к ольхе.

Они быстро взобрались на вершину, и через мгновение сверху послышался шорох, а вслед за ним треск ветки.

— Эй, смотрите, чтобы ветка со штанами упала на поляну, а не в крапиву! — крикнул Долгоносик.

— Будь спок! — ответили братья-дровосеки.

Трусы и брюки закачались. Ветка, на которой они висели, дрогнула и с шумом упала к ногам Кольки.

Колька подхватил свою одежду и радостно запрыгал.

— Спасибо! — крикнул он. — Вы — хорошие жуки! Дровосеки спустились с Ольхи.

— Привет! — сказали они и убежали.

— У них всегда очень много работы, — пояснил Большой Долгоносик, — поэтому им некогда разговаривать. Им всегда приходится спешить, чтобы успеть обрезать молодые ветки, пока дерево не выросло.

— Вот бы их в нашу Пионерскую рощу, — сказал Колька, — там бегать нечего — все деревья молодые. Их только в прошлом году посадили.

— И ветки на них совсем мягкие? — спросил
18 Большой Долгоносик.

- Совсем мягкие.
- И листья сочные? — заинтересовалась жучиха.
- Сочные.
- А роща большая? — снова спросил жук.
- Большая.
- А сторожей в ней много?
- Каких сторожей?
- Ну, лесников.
- Лесников там ни одного нет. Она ж ребячья, пионерская. Её наши пионеры посадили.
- Значит, её сторожат эти пионеры?
- Они все в школе. Да и чего её сторожить?
- Коля! — громко воскликнул Большой Долгоносик. — А далеко она, эта роща?
- Да нет, за нашим посёлком. Десять минут ходу. Сначала прямо, потом налево, потом направо, потом опять прямо.
- Прямо... опять прямо... — повторил Большой Долгоносик, — а там роща. Молодая роща! И её никто не сторожит! Направо, потом налево...
- Он завертелся на месте, замахал лапками.
- Идём! Идём скорее!
- Куда? — удивился Колька.
- К нам в Короедск, к Главному Короеду.
- Куда-куда?
- В Короедск, в наш жучиный город!
- Да мне в школу надо.

— Тут недалеко. Понимаешь, я... Понимаешь, ты... Молодая роща... Идём! Ты только про рощу расскажешь — и всё. А уж мы тебе тоже когда-нибудь пригодимся.

— Ну ладно, — согласился Колька. — Пошли.

— За мной! — крикнул Большой Долгоносик жучихе и жучонку и быстро побежал вперёд, то скрываясь в траве, то нарочно забираясь на кочку, чтобы Колька лучше его видел.

Жук обегал лужу, а Колька её перешагивал. Жук нырнул под свалившееся дерево, а Колька перелезал сверху. Далеко позади остались жучиха с жучонком, но Большой Долгоносик совсем забыл о них — он бежал всё быстрее и быстрее и только приговаривал:

— Тут недалеко! Тут недалеко!

Наконец, вынырнув из-под последней поваленной ёлки, жук громко крикнул:

— Вот мы и пришли!

Короедск

О городе Короедске нельзя было сказать, что он утопал в зелени, хотя со всех сторон его окружали деревья и даже домами его жителям служили стволы деревьев.

Но что это были за деревья! На елях и соснах почти не осталось хвои, и их голые сучья были похожи на ржавую проволоку. Листва на берёзах была редкая и чахлая, а сквозь проеденные дубовые листья виднелись небо и соседние деревья.

По стволам, по веткам, по листьям ползало великое множество жуков и гусениц, и повсюду летали толстобрюхие бабочки.

Подойдя ближе, Колька увидел, что во всех стволах деревьев проделано бесщётное множество круглых и продолговатых отверстий и всё вокруг осыпано жёлтыми, мелкими, как пыль, опилками.

— Не правда ли, красиво? — с гордостью спросил Большой Долгоносик. — А ведь когда мы пришли сюда, здесь ничего не было — ни дорог, ни жилищ. В листве и хвое можно было просто заблудиться.

Сначала Кольке показалось, что в Короедске стоит мёртвая тишина, но, прислушавшись, он различил глухой, ни на секунду не прекращающийся шум. Где-то пилили и сверлили. Только он не мог понять, откуда доносятся эти звуки: они раздавались и справа, и слева, и сверху, и снизу, как будто пилили и сверлили в каждом дереве.

— А где это пилят? — спросил Колька.

Большой Долгоносик рассмеялся:

— Везде. Тут тысячи пильщиков. Жители нашего города работают от зари до зари.

— Что же они делают?

— Дырки.

— Зачем?

— Как — зачем? — в свою очередь удивился Большой Долгоносик. — От дырок сохнет дерево, а на этом свете нет ничего вкуснее сухого дерева. Вот съедем этот лес, пойдём в другой. Съедем его — переселимся дальше. Так и проходит наша жизнь в упорном труде.

— Неужели это всё сделали вы, жуки? — спросил Колька, оглядываясь вокруг.

— Мы! — с гордостью ответил Большой Долгоносик.

На деревьях-домах Короедска почти не было листвы, но и те редкие листья, которые остались, висели неподвижно, как неживые. И вдруг Колька заметил, что на одном чахлом тополе листья шевелятся. Вот один листик дрогнул, приподнялся и свернулся в трубочку, потом дрогнул другой и тоже свернулся. На некоторых ветках уже все листья были свёрнуты и висели, как сосульки.

— Здо́рово он свёртывает листья! — кивнул Колька на дерево.

— Кто?

— Вон тот тополь.

— Тополь? — возмутился Большой Долгоносик. — Тополь ничего не умеет. Это работают наши жуки-трубковёрты.

— А для чего они это делают?

— Строят дома для своих детей. Сделают такую трубочку — и больше никаких забот: и крыша над головой у жучонка, и еды полно — ешь что хочешь: хоть пол, хоть стены, хоть потолок. Хитрые эти трубковёрты. Только скоро придёт конец их хитростям. Видишь, как мало листьев везде осталось?

Они подошли к старой корявой осине.

— А тут кто живёт? — спросил Колька, вцепившись руками в большой гриб-трутовик и стараясь оторвать его от осины.

— Что ты делаешь?! Что ты делаешь?! Остановись! — закричал Большой Долгоносик.

— А что особенного, ведь это же поганка.

— Какая поганка?! Пользнейший гриб!

Колька разжал пальцы.

— Нахал! — проворчал опомнившийся от страха

Трутовик. — «Поганка»! Хотя бы постыдился своего невежества!

— Ладно, не ворчи, старик, — проговорил Большой Долгоносик. — Мальчик обознался.

— «Обознался, обознался»... Невежда твой мальчик, вот кто.

— Ну, завёлся, теперь его не остановишь, — шепнул Большой Долгоносик Кольке. — Старики любят поворчать. Но ты на него не обижайся. Этот старикан добрый и приносит нам большую пользу, не то что всякие там белые грибы или опята да маслята.

— А я всегда думал, что белые и маслята — полезные грибы, — сказал Колька.

— Полезные? Ты их не знаешь! Они с деревьями дружбу водят.

— Дружбу? С деревьями?

— Во-во, с деревьями. У грибов полно корешков, а в корешках всякая еда. Встретится грибной корешок под землёй с корнем дерева и давай его своими запасами кормить. Мне про это один знакомый жук-корнегрыз рассказывал. А он всё своими глазами видел.

— Вот здорово! — воскликнул Колька. — Значит, белый гриб кормит ёлку?

— Кормит, — сокрушённо* покачал головой Большой Долгоносик, — и ёлку, и берёзу, и сосну,

* Сокрушённо — печально.

и липу. Очень вредный гриб. Вот Трутовик — другое дело: он сам из деревьев соки вытягивает да ещё, глядишь, приведёт за собой гниль. А дерево с гнильцой каждому по зубам, даже самому маленькому жуку. Вот он какой полезный гриб — Трутовик! А ты говоришь — поганка...

Самый учёный жук

Пройдя ещё немного, Большой Долгоносик остановился и беспокойно завертел головой: Главного Короеда почему-то не было на его обычном месте — большой сухой ёлке, где он, по своему высокому положению, жил один.

— А где же Главный Короед? — растерянно проговорил Большой Долгоносик. — Куда же он мог подеваться?

— Ну, я вижу, тут дело долгое, я пошёл, — сказал Колька и повернулся, чтобы уйти.

— Коля! — закричал Долгоносик. — Листочки! Веточки! Роща!

Вокруг Кольки и жука стали собираться обитатели Короедска.

— Что? Что случилось? Какие листочки? Какие веточки?

— Молодые! — отвечал Большой Долгоносик. — Целая роща! Коля сказал. Это совсем недалеко — прямо, направо, налево. Простому жуку не запомнить. А Главного Короеда нет. А Коля спешит.

Первым понял обстановку юркий жучок серовато-зеленоватого цвета — Ольховый Листоед.

— Колю надо задержать, — шепнул он Долгоносику, — а Главного Короеда надо найти.

— Задержать? Как?

— Показать ему что-нибудь очень интересное.

— Что же? Что?

— Сейчас я узнаю, — сказал Ольховый Листоед и повернулся к мальчику. — Коля, что ты любишь?

— Ну, футбол... А ещё интересные сказки.

— Футбол... Сказки... — повторили все вокруг.

— Сказки! — воскликнул Ольховый Листоед. — А ты знаешь сказки Типографа?

— Какого типографа?

— О, Типограф — наша гордость! Самый учёный жук в лесу. Он на каждом дереве что-нибудь пишет. Да ещё как пишет! — Ольховый Листоед наклонился к Большому Долгоносику и шепнул: — Веди его скорее к Типографу, а я побегу искать Главного Короеда.

— Пойдём, Коля, к Типографу, — сказал Долгоносик. — Как он пишет! Ах, как он пишет!

Большой Долгоносик быстро побежал между деревьями, потом остановился возле одной ёлки, постучал лапкой по стволу. Из круглого окошечка наверху выглянул маленький хмурый жучок.

— Кто там? — ворчливо спросил он.

— Это я и Коля, — ответил Большой Долгоносик. — Мы пришли, чтобы почитать твои сказки.

— Знаю я эти сказки, — опасливо поглядывая на Кольку, сказал Типограф и, спрятавшись, добавил: — Я занят!

Но Большой Долгоносик постучался снова.

— Ольховый Листоед велел. «Веди, — говорит, — скорее к Типографу». Я и привёл.

— Ольховый Листоед? — переспросил жучок.

— Честное короедское, Ольховый Листоед.

Немного помолчав, Типограф ответил:

— Ну, тогда ладно. Сейчас выйду.

Окошко закрылось, и вскоре хмурый жучок стоял внизу перед Колькой и Большим Долгоносиком. На нём был новый яркий галстук, завязанный пышным бантом.

— Очень рад вас видеть, — сказал Типограф и важно кивнул. — Прошу.

Кора на деревьях, окружавших жилище Типографа, посохла и отвалилась, а их голые стволы были источены узорами. Все узоры были похожи

один на другой: длинная линия посередине и отходящие от неё в обе стороны линии покороче с кружочком на конце.

— Это для маленьких — сказка про личинку Елового Усача, — объяснил Типограф, показывая на один из узоров.

— Очень хорошая сказка, — заметил Большой Долгоносик. — Бывало, в личинках, как услышу её, сразу засыпаю.

— Тут вот для более взрослых — про войну муравьёв и гусениц, — продолжал Типограф.

— А эта сказка как называется? — спросил Колька, проводя пальцем по хитрой извилистой дорожке, проложенной пониже.

— Это не сказка. Это правда, — ответил Типограф. — А называется эта правда «Слава, слава древоточцам! Как они съели дом».

— Жуки-древоточцы, значит, — пояснил Большой Долгоносик.

— Дом? — удивился Колька. — Целый дом? Как же они его съели?

— Очень просто, — сказал Типограф. — В труху источили. Весь — от пола до потолка.

— Неужели маленькие жуки могут съесть дом?

— Ха! Чего там — дом! Один раз, говорят, жуки целую деревню съели и ещё мост через реку в придачу. Я про это тоже написал. Только с другой стороны ёлжи.

— У нас в посёлке есть доска для газет, так на неё газеты тоже с двух сторон наклеивают, — сказал Колька. — Кто хочет, с одной стороны читает, кто хочет — с другой. Совсем как у вас.

Типограф с презрением передёрнул усами.

— У нас не читают, тут живут одни невежды. Все сплошь неграмотные. Мне приходится самому и писать и читать. А ты... то есть вы... умеете читать?

— Умею, — ответил Колька.

— Тогда я вам покажу кое-что поинтереснее. Я там написал, так уж написал! Про самого Главного Короеда. Пошли, тут недалеко. А тебе, дорогой, — повернулся он к Большому Долгоносику, — не сто́ит с нами ходить, ты всё равно ничего не поймёшь.

— Ладно, — согласился Большой Долгоносик. — Я тут подожду.

Типограф поправил бант и пополз вперёд, приговаривая:

— Вы не пожалеете времени и сил, потраченных на эту экскурсию. Вы увидите самое лучшее моё

произведение. Смотреть на него надо сверху. Вот хотя бы с этой ёлки. Ползите, то есть лезьте за мной.

Типограф стал взбираться вверх. Колька — за ним.

— Вон оно! — с гордостью произнёс жук, показывая куда-то в сторону посёлка. — Видите?

Колька изо всех сил вглядывался в ближайшие сухие стволы и наконец честно признался:

— Нет, не вижу.

— Да вон, на осине. На зелёной осине такое белое. Видите?

Тут Колька разглядел, что показывал ему Типограф, и рассмеялся:

— Про какого же там Главного Короеда? Там написано: «Здесь был Коля Кочерыжкин». Я, значит. И надпись я вырезал.

Типограф смутился, завертелся и чуть не свалился вниз.

— Умоляю, говорите потише! Я не знал, что это ваше. Я думал, это ничьё. Я уже всем сказал, что это я написал там про Главного Короеда.

— Но ведь всё равно все придут и увидят, что это не про Короеда.

— Нет, нет! — замахал лапками Типограф. — Они ничего не увидят, они же не умеют читать. По правде говоря, я тоже не умею, но я не виноват, что все думают, будто я учёный. Сам Главный

Короед всегда советуется со мной. А что будет со мной теперь?

Типограф заплакал. По его банту покатились слёзы.

Коле стало жалко жука.

— Ладно, пусть эта надпись будет твоя, — сказал он. — А я, если захочу, ещё что-нибудь вырежу.

— Пусть моя? — закричал Типограф. — Ты... То есть вы дарите её мне?

— Дарю.

— Насовсем?

— Насовсем.

— И никому не скажете, что её выгрызли вы?

— Никому.

— Вот спасибо! Вот спасибо!

В это время показался Большой Долгоносик. Он бежал, радостно подпрыгивая: наконец-то нашёлся Главный Короед. Оказывается, он перебрался из Короедска, из своей ели, в загородную сосну, чтобы городской шум не мешал ему думать.

Когда Колька с Большим Долгоносиком скрылись за деревьями, к Типографу вернулись его обычная уверенность и надменность.

— Этот Коля умеет читать, — небрежно сказал он окружившим его жукам. — Глядишь, поучится и, может быть, даже писать научится.

Колька становится короедом

— Стой, Коля! — с почтительной дрожью в голосе проговорил Большой Долгоносик, подводя Кольку к толстой блестящей сосне с единственной зелёной веткой на сухой вершине. Этим она отличалась от всех остальных сосен, на которых не было ни одной зелёной иголки.

Сосна Главного Короеда была вся в круглых отверстиях и напоминала небоскрёб с тысячью окошек.

Колька заглянул в одно окошко и увидел в углу круглой норки, устланной мелкой древесной пылью, большого чёрного жука, который спал, покрывшись своими длинными усами.

— Он спит, — сказал Колька.

— Что ты! — возмутился Большой Долгоносик. — Он никогда не спит. Он думает.

Долгоносик тоже заглянул в окошко и со вздохом продолжал:

— Он очень много думает, потому что нам, жукам, с каждым годом становится жить всё труднее и труднее. Птицы нас клюют, муравьи на нас нападают, в землю зароешься — землеройки выкапывают, а уж о людях и говорить не приходится. Вот он и думает, почему это все заступаются

за деревья, хотя давно известно, что деревья на то и существуют, чтобы их ели мы, жуки.

Большой Долгоносик осторожно тронул лапкой Главного Короеда за плечо. Тот медленно повернулся к гостям.

— Человек! — вскрикнул он, увидев Кольку, и, поджав лапки, как дохлый, упал на спину.

— Это хороший человек, — сказал Долгоносик. — Это — Коля!

Главный Короед приоткрыл один глаз и недоверчиво посмотрел на Кольку.

— Не может быть, — сказал он. — Я живу на свете уже пятый год и ни разу не слышал про хорошего человека. Все они одинаковые, все против нас.

— А этот за нас. У него с деревьями дружба врозь.

Главный Короед открыл другой глаз и поглядел на Кольку.

— Дружба врозь, говоришь?

— Врозь, — подтвердил Колька.

— Что же он делает? — опять повернулся Главный Короед к Большому Долгоносику. — Грызёт, пилит, объедает листья или подтачивает стволы?

— Он режет, обдирает и ломает. Всего за полчаса он срезал берёзу, ободрал кору с осины и сломал черёмуху.

— О! — воскликнул Главный Короед и поднялся на ноги. — Тогда пусть он живёт в нашем городе.

— А ещё, — продолжал Большой Долгоносик, — он принёс нам чудесную новость.

— Какую же новость?

— Великолепную новость! Есть еда, свежая еда, и её никто не сторожит.

— Еда? — оживился Главный Короед.

— Да, да! — громким радостным эхом отозвался Большой Долгоносик. — Еда! Много еды!

— Тогда говори скорее, мальчик! — воскликнул Главный Короед.

— Рассказывай про Пионерскую рощу, — сказал Долгоносик, кивнув Кольке. — Ну, рассказывай.

— А чего про неё рассказывать: торчат прутья с листьями, даже палки хорошей в этой роще не вырежешь.

Главный Короед, несмотря на всю свою важность и на то, что всегда говорил только басом, радостно взвизгнул.

Колька действительно попал в Короедск с сообщением о Пионерской роще как нельзя более кстати. Если взрослые жуки-короеды могли кое-как обходиться сухими стволами и пнями, то жучат и разных гусениц надо было кормить свежими листьями и молодыми мягкими веточками.

А их-то в Короедске давно уже не хватало. Кроме того, была ещё одна причина, почему обрадовался Главный Короед. Но про неё знал только он один и пока держал в тайне.

— О Коля, ты сам не понимаешь, какое важное известие ты нам принёс! А что, правда, в этой роще нет людей?

— Я ж объяснил вон ему, — кивнул Колька в сторону Большого Долгоносика. — Роща — пионерская, а все пионеры в школе.

— Где? Где она, эта роща? Как туда проползти?

— Сначала надо идти прямо...

— Прямо, — повторил Главный Короед.

— После свернуть налево...

— Налево, — повторил Главный Короед.

— После повернуть на тропинку...

— На тропинку.

— Тропинка выведет прямо на дорогу, а там уж и рощу видно.

— Видно.

— Очень простая дорога, — сказал Колька.

— Простая, — согласился Главный Короед. — Значит, прямо, налево, а там уж и рощу видно.

— Да нет. Сначала прямо, после налево, после будет тропинка, после... Ну ладно, если уж вам так хочется в рощу, я могу вас туда проводить.

— Проводить! — обрадовался Главный Короед. — Конечно, проводить!

Пока Колька разговаривал с Главным Короедом, вокруг них собрались все обитатели Короедска. При последних словах они радостно зашумели.

Главный Короед поднял вверх усы и лапу, и шум стих. Бабочки-монашенки опустили головы, трубкавёРТы уселись на ветки, старый Майский Жук, страдавший одышкой, старался не дышать, замерли братья-дровосеки.

Главный Короед сказал:

— Его нужно наградить.

Все зашумели одобрительно.

— Но чем его наградить? — спросил Главный Короед.

— Надо найти ему эту, как её... красную землянику, — сказал Долгоносик.

Главный Короед посмотрел на него с презрением.

— Ха! Как ты мог предложить такое, чего ни один из нас даже в рот не возьмёт.

— Я уступлю ему большой трухлявый пенё, который нашёл только вчера, — сказал Древооточец.

— Мало, — отозвался Главный Короед.

Все снова замолкли, а Главный Короед задумался. Он думал гораздо дольше прежнего. Все ожидали в почтительном молчании.

— Уж он придумает что-нибудь совершенно замечательное, — шепнул Большой Долгоносик Кольке, — чего ни один из нас не сможет придумать.

Главный Короед шевельнул одним усом. Это означало, что ему в голову пришла умная мысль.

— Во-первых, нашего друга Колю из уважения к его заслугам мы будем отныне считать короедом.

— Ура! — закричали вокруг.

— Но это ещё не всё, — продолжал Главный Короед. — Я ему дарю шишку с той самой ёлки, на которой жил Монохамус.

— Я же говорил, что он придумает что-нибудь совершенно замечательное! — в восторге воскликнул Большой Долгоносик.

— А зачем мне шишка, на которой жил какой-то Монохамус? — спросил Колька.

Большой Долгоносик возмущённо зашевелил усами.

— Чт-то т-ты г-говоришь! — заикаясь от негодования, проговорил он.

— А чего?

— Он не знает, кто такой Монохамус! Наш великий Монохамус! — закричали жуки, бабочки и гусеницы. — Он не знает того, что знают самые юные личинки!

— Цыц! — остановил их Главный Короед. — Если он не знает, кто такой Монохамус, то я ему расскажу о нём. Слушай, Коля. Наш великий Монохамус славен тем, что нашёл этот лес и основал Короедск. Когда-нибудь я сам расскажу тебе о всей славной жизни и деяниях великого Монохамуса, а теперь пошли в Пионерскую рощу. Веди, Коля!

— Нет, сейчас я не могу, мне надо в школу. Потом у нас матч на первенство школы. Так что сегодня я не могу, а вот завтра пойдём. Встретимся после уроков и пойдём. Ясно?

— Завтра так завтра, — согласился Главный Короед. — А сегодня мне надо ещё подумать. Я иду думать, не шумите и не беспокойте меня.

Часы, которые умеют только тикать

Колька никак не мог сообразить, сколько времени он находится в лесу — то ли час, то ли два часа. Дедушка как-то умел определять время по солнцу. Колька взглянул на солнце и зажмурился. Перед глазами завертелись красные круги. Как дедушка видит время, когда даже самого солнца не видно?

— Сколько сейчас времени? — спросил Колька Большого Долгоносика.

— Какого времени?

— Ну, десять сейчас или полдесятого?

Долгоносик в недоумении повёл усом:

— Не знаю.

— Ну конечно, откуда в лесу часы! — вздохнул Колька.

Но Большой Долгоносик, обиженный его пренебрежительным тоном, с достоинством проговорил:

— Зато у нас есть Жук-часовщик.

Колька обрадовался: раз есть часовщик, значит, должны быть и часы.

— Где он, ваш часовщик?

— Вон в том бревне. Вся его родня и он сам всегда живут в домах у людей, а сегодня он как раз гостит у нас, в лесу.

Колька, не дослушав Долгоносика, подошёл к бревну. Оттуда доносилось громкое, отчётливое тиканье: тик-так, тик-так, тик-так.

— Эй! — позвал Колька, постучав по бревну. — Сколько там у тебя натикало?

Колька прислушался. В бревне тикало по-прежнему. Колька постучал по бревну сильнее.

Тиканье смолкло. Из другой дырочки высунулся Жук-часовщик.

— Разве я плохо тикаю? — спросил он.

— Хорошо, — ответил Колька. — Скажи, сколько сейчас времени?

— Этого я тебе сказать не могу, — ответил Жук-часовщик и скрылся в своём бревне.

Опять послышалось тиканье: тик-так, тик-так, тик-так.

Колька застучал по бревну изо всех сил. Снова в круглой дырочке появился жук.

— Ну дай хоть взглянуть на твои часы, — сказал Колька.

— У меня нет часов, — сердито ответил жук. — Часы бывают у людей, потому что люди не умеют тикать. А мне они не нужны, я сам когда захочу, тогда и тикаю: тик-так, тик-так, тик-так. Хорошо я тикаю?

— Ладно, я пошёл в школу, — решительно сказал
42 Колька. — До свиданья.

— Не забудь, что ты обещал повести нас в Пионерскую рощу, — напомнил Большой Долгоносик.

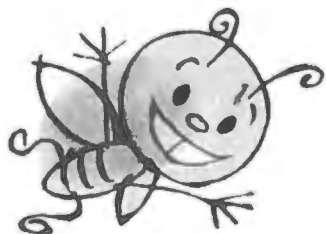
— Как договорились: ждите меня завтра после уроков, — ответил Колька.

— Будем ждать! Приходи скорее! — кричали ему вслед жуки, бабочки и гусеницы.

Часть вторая

Колька грозит

Колька попал в школу лишь на самый последний урок. Да и тот уже начался, когда он подошёл к двери своего класса. Дверь была приоткрыта. Колька просунул голову в щель и спросил:

— Иван Семёнович, можно войти?

— Кочерыжкин? — удивился учитель.

— Да я... понимаете... — пробормотал Колька. — Понимаете...

— Хорошо, ты мне потом объяснишь, — сказал учитель, — а пока садись на место.

Колька по стенке пробрался к своей парте и сел рядом с Мишкой Зайцевым.

— Чего за мной не зашёл? — шепнул он, толкая Мишку в бок.

— Я заходил, у вас дверь была заперта, — так же шёпотом ответил Мишка. — Постучал — никто не открывает. Ну, думаю, ты уже ушёл...

— Это мама захлопнула, а я спал.
— Здоров же ты спать! Три урока проспал...
— Да нет, встал-то я давно. Со мной, понимаешь, тут одна история приключилась. Спасибо, Большой Долгоносик выручил.

— Кто?

— Большой Долгоносик, жук такой.

Мишка хмыкнул.

Но тут учитель постучал карандашом по столу:

— Кочерыжкин, Зайцев, не разговаривайте!

Ребята притихли. Иван Семёнович всё время поглядывал на них, и волей-неволей пришлось отложить разговор до более удобного времени.

Колька раскрыл тетрадку, взял ручку, обмакнул перо в чернила и только принялся рисовать на промокашке* рожи, как ручка выскользнула у него из руки и в перемазанных пальцах осталось одно пёрышко.

Колька бросил пёрышко и взялся за карандаш. Но карандаш с треском разломился, чёрный грифель скатился под парту и разбился на мелкие кусочки. Потом под парту юркнула тетрадка, и за ней туда же поползли пенал и учебники. Вдобавок Колька почувствовал, что парта вдруг начала сталкивать его с сиденья. Он изо всех сил уцепился руками за сиденье и за крышку, а ногами упёрся в подставку. От напряжения Колька надулся и засопел.

* Промокашка — здесь: лист промокательной бумаги, вкладываемый в ученическую тетрадь; промокашка впитывала лишние чернила и таким образом защищала тетрадь от клякс.

— Что с тобой? — испуганно спросил Мишка.

— Н-не знаю... Это, наверное, он... Старый Дуб...

Иван Семёнович строго взглянул на Кольку и сказал:

— Кочерыжкин, мало того, что прогулял три урока, ты ещё безобразничаешь! Выйди из класса и отправляйся домой. Скажешь родителям, что сегодня вечером я зайду к вам.

— Ив-ван С-семёнович... — заикаясь и смотря в пол, проговорил Колька. — Ив-ван С-семёнович...

— Уходи сейчас же, — сердитым шёпотом сказал терпеливый, залитый чернилами классный пол, — сил моих нет держать тебя. Уходи, а не то вопьюсь в пятки всеми своими занозами!

С опаской глядя на пол, Колька полез под парту собирать тетради и учебники, но они никак не давались ему в руки. Наконец, красный, расстрёпанный, он вылез из-под парты и, закрывая опустевший портфель, в котором уже не было ни книг, ни тетрадей, ни пенала, а остались только три гвоздя, гайка, ножик и шишка с ёлки, на которой жил великий Монохамус, тихо сказал:

— Мишка, будь другом, захвати тогда мои учебники.

— Ладно, — ответил Мишка.

Колька махнул рукой и поплёлся из класса.

Выходя, он почувствовал, с каким злорадством подтолкнула его в спину и захлопнулась за ним классная дверь.

— Ну ладно, погоди, деревяшка несчастная! — погрозил ей Колька кулаком. — Я на тебя и на парту жуков-древоточцев напущу. Вот сейчас возьму и пойду в Короедск. Провожу этих жуков в Пионерскую рощу, а потом сюда приведу.

Неприятное известие

Старый Дуб грелся на солнышке, широко размаив тяжёлые узловатые ветви. Он стоял один посреди поляны, а вокруг него в почтительном отдалении росли другие деревья.

Ближе всех к Старому Дубу подступала дружная стайка молодых дубков, его внуков и правнуков. Листва на молодых дубках была светлее и листья меньше, чем у Старого Дуба, но так же, как у него, они были собраны на ветках в крепкие пучки, словно сжаты в кулаки.

За дубками, вылезая чуть ли не на самую тропинку, росла беспокойная и болтливая Осина. Чуть колыхнётся где-нибудь ветка, а она уже шелестит всеми своими листьями:

— Что? Что? Что?

За Осиной, добродушно взирая на свою болтливую соседку, росли молчаливая Пихта и толстая ветвистая Берёза.

С другой стороны поляны, там, где она опускалась к овражку, Плакучая Ива свесила свои длинные ветви, а против неё, на пригорке, подняв к солнцу загорелые медно-красные сучья, возвышалось самое высокое дерево в лесу — Высокая Сосна.

Старый Дуб немного задремал. Но вдруг до него донёлся какой-то шорох, и тут же, быстро взмахивая крылышками, на дубовый сук опустился взъерошенный Воробей.

— Чирик! Это я! Важное известие!

Все хорошо знали шумный, взбалмошный и легкомысленный характер Воробья, поэтому Дуб не особенно верил в то, что известие было действительно важным.

— Ну, что там случилось? — спокойно спросил Старый Дуб. — Опять пожар у ласточек?

Для того чтобы всем стало понятно, почему Старый Дуб вдруг заговорил про пожар, необходимо рассказать один случай из жизни Воробья.

Однажды весной (правда, это было в первую его весну) Воробей вылетел утром из гнезда и увидел, что над всеми крышами в посёлке трепещет красное пламя.

Воробей переполошил весь лес.

— Пожар! Пожар! Пожар! У голубей пожар!
У ласточек пожар! У всех наших соседей пожар!
Я сам видел!

Птицы, бросив все свои дела, помчались спасать соседей.

Но когда они прилетели в посёлок, то оказалось, что никакого пожара нет. На всех улицах поют и пляшут люди, а птицы смотрят на них с крыш и ещё подпевают.

— Где же пожар? — спросили Воробья.

— Вот, — показал Воробей на трепещущие на ветру алые языки. — Все горят и ничего не замечают!

Птицы рассмеялись.

— Да ведь это же флаги! Сегодня у людей праздник — Первое мая.

Обычно Воробей сердился, когда ему напоминали про пожар, но на этот раз он как будто не услышал насмешки. Оглянувшись по сторонам и даже не пригладив взъерошенных перьев, Воробей быстро зашептал:

— Уф! Колька!.. Уф! Кочерыжкин!.. Уф! Беда!..
Колька... Жуки...

— Ничего не понимаю, — сказал Старый Дуб. — Говори внятнее.

— Колька!..

— Ну и что — Колька?

— Собирается в лес.

— Пусть приходит. Ты слышал, как его Оляха оставила без штанов? Ха-ха-ха!

— А жуки?

— Что жуки?

— Жуки идут с Колькой.

Дуб перестал смеяться. Кажется, Воробей спешил не зря.

— Отдышись и расскажи всё по порядку, — сказал Старый Дуб.

Воробей почесал крылышком в затылке и собрался с мыслями.

— Начну с самого начала. Я живу в школе под потолочной балкой, а живя в школе, чего не слушаешься. Я уж ко всему привык, а сегодня вдруг слышу, Колька говорит... Нет, начну не с этого. Прилетел я домой...

— Начни лучше сразу с того, что ты услышал, — перебил его Старый Дуб.

— Ну ладно, — согласился Воробей. — Сиж у себя в своём гнезде и слышу, Колька Кочерыжкин говорит: «Я пойду в Короедск и сегодня же приведу жуков в Пионерскую рощу!...»

— Как?! — воскликнул Старый Дуб. — Не может быть!

— Честное слово! А ещё он грозил привести жуков в школу, чтобы они сожрали парту и дверь.

— Не может быть, чтобы школьник вёл коро-
едов в лес и в школу!

— Он грозил, — пискнул Воробей. — Я своими
ушами слышал.

Тревога в лесу

Старый Дуб был самым старым деревом в лесу. Он простоял на своей поляне так много зим и лет, что давно уже бросил их считать. Но зато и повидал он на своём веку больше всех других деревьев. Была у него старикинская привычка завязывать на память узелки. Если надо было запомнить что-нибудь очень важное, он завязывал на суку большой узел, если не очень важное — завязывал узелок поменьше на какой-нибудь ветке. С годами узлов набралось так много, что у Старого Дуба не осталось без узла ни одной веточки.

Деревья, птицы, звери и даже лесники в трудную минуту обращались к нему за советом.

Старый Дуб выслушал Воробья и задумался.

«Если Колька правда поведёт короедов, то Пионерской роще грозит страшная беда и надо скорей поднимать тревогу, — подумал он. — Но, с другой стороны, что-то не помнится такого

случая, когда человек пошёл бы заодно с короедами. Нет, такого никогда не бывало».

В лесу было тихо. Ни людских голосов, ни птичьего щебета. Даже неутомимый Дятел не выстукивал своё привычное «тут-тут-тут». Дятел отдыхал, закончив утренний облёт больных, а все другие птицы улетели — кто в дальний ельник шелушить шишки, кто на болото клевать перезимовавшую клюкву.

Старый Дуб посмотрел вокруг себя и обратился к окружающим его деревьям:

— Друзья, послушайте, что я вам скажу. Сейчас ко мне прилетал Воробей. Он говорит, что Колька Кочерыжкин собирается вести короедов в Пионерскую рощу.

Деревья встрепенулись и замерли. Всем вспомнились те давние времена, когда в окрестных лесах бесчинствовали заклятые лесные недруги — всякие короеды, листоеды, корнегрызы. Они объели всю листву, обгрызли кору, источили стволы. Но однажды в лес пришёл человек. Он поднял упавший лист, который подгрызли гусеницы, глянул на стволы, изъеденные жуками, покачал головой и сказал: «Эк разгулялись, лесные разбойники, сколько лесу испортили». И начал человек гнать короедов.

52 Перебил он их бесчисленное множество, а те, что

в живых остались, уползли в глушь, к Гнилому Болоту, и уж много-много лет не показываются.

Первой нарушила тишину Плакучая Ива.

— Что поделаешь, — вздохнула она, — уж если и люди стали помогать жукам, видно, наступил наш конец.

— Не люди, а один Колька Кочерыжкин, — возразил Старый Дуб.

— Всё равно, нам остаётся лишь одно — плакать. — И Ива заплакала.

— Замолчи! — прикрикнули молодые дубки. — Надоело смотреть, как ты вечно плачешь. Целый пруд возле себя наплакала — хоть купайся!

— Может быть, Воробей что-нибудь напутал? — сказала Берёза.

— Конечно, напутал. Напутал, напутал, — быстро заговорила Осина. — Разве вы не знаете Воробья? Разве не знаете? Разве не знаете?

— Воробья-то мы знаем, — согласилась молчаливая Пихта, — но и короедов знаем тоже. Нет дыма без огня, видать, короеды что-то затевают. А тут ещё этот Колька...

— Самое лучшее — выдать ему за такие проделки двойную порцию берёзовой каши*, он и опомнится, — сказала Берёза. — Вот, помню, однажды, лет двести тому назад...

* Берёзовая каша — розги; выдать порцию берёзовой каши — выпороть.

— Это было слишком давно, — проговорил Старый Дуб, — теперь берёзовую кашу не употребляют.

— Не употребляют, — вздохнула Берёза. — А зря: берёзовая каша очень полезная для таких безобразников, как этот Колька.

— Иголками его, иголками, — наперебой заговорили ёлки.

— Нет, лучше колючками, колючками, — подхватили Боярышник и Шиповник.

— Тише! — остановил их Старый Дуб. — Я всё-таки думаю, что это напрасная тревога. Не может быть, чтобы человек стал заодно с короедами. Подождём, посмотрим. Следите за всеми дорогами и тропинками, особенно за теми, что идут со стороны Короедска.

Где находятся уроки?

Жуки сидели и ждали Кольку.

Время шло. Солнце поднялось совсем высоко. Те жуки, которые были на солнышке, оказались в тени и начали мёрзнуть. А те, которые устроились в тени, очутились на солнце, и им стало жарко.

Жуки теряли терпение.

— Ах, как бы хорошо сейчас погрызть молодой берёзовый листик! — мечтательно проговорила одна тощая гусеница.

— А наверное, в Пионерской роще есть и дубки, — вздохнула другая.

— Да замолчите вы! — прикрикнул Большой Долгоносик. — И без ваших разговоров живот подвело.

— Когда же придёт Коля? — наконец спросил Ольховый Листоед, самый нетерпеливый из всех.

— Он сказал: завтра, — ответил Главный Короед.

Бабочка-монашенка взмахнула серыми крыльшками:

— Ничего не понимаю. Он сказал: завтра. А завтра уже наступило, опять есть хочется.

Надо сказать, что у бабочек и жуков завтра наступает гораздо быстрее, чем у людей. Сами они маленькие, и потому дни у них тоже коротенькие.

— Завтра уже наступило, а его нет, — повторила Бабочка-монашенка. — Ничего не понимаю.

Подождали ещё.

Тех жуков, которые с самого начала были на солнышке, снова осветило солнце, а жуки, которые прежде сидели в тени, опять оказались в прохладе.

— А не сидим ли мы здесь напрасно? — проговорил Ольховый Листоед. — Ведь Коля сказал: «Ждите меня после уроков». Мы его ждём здесь, а он нас ждёт в каком-то другом месте. После этих самых уроков.

— Правильно! — воскликнул Главный Короед. — Пока мы здесь торчим, он уже, наверное, давным-давно прошёл эти самые уроки и ждёт нас после них.

— А что такое уроки? — робко спросила Монашенка Ольхового Листоеда.

— Гм, уроки... это... это... — замялся Ольховый Листоед. — Это тебе объяснит Главный Короед.

Все посмотрели на Главного Короеда.

— Уроки — это уроки, — важно ответил Главный Короед. — Знать надо.

Стали выяснять, где же находятся эти самые уроки и что находится после них. Почти все короеды знали только свой Короедск и никогда не выходили за его пределы. Бабочки летали по округе больше и дальше. Перебивая друг друга, они принялись описывать окрестности Короедска. Оказалось, что если идти по дороге, то будет поворот направо, после поворота направо — поворот налево, после поворота налево — полянка, а после полянки начинались неизвестные места, куда бабочки никогда не летали.

— Конечно, надо ползти туда, — сказал Главный Короед. — После полянки начинаются уроки, а после уроков нас ждёт Коля.

— Ползти! Ползти! — подхватили жуки, гусеницы и бабочки.

Один Ольховый Листоед с сомнением покачал головой:

— Надо ещё подумать, ползти или не ползти. Ведь лес — не Короедск. Кто знает, что там, в лесу...

Но жуки, гусеницы и бабочки в нетерпении уже двинулись вперёд.

— Без меня уходят! — удивился Главный Короед. — Так они и рощу без меня сожрут.

— И без меня! — возмутился Ольховый Листоед.

— Не бывать этому! Вперёд! — закричал Главный Короед.

Они подхватились и, обогнав всех, зашагали во главе нестройной шумной толпы обитателей Короедска.

Короеды прошли поворот направо, потом поворот налево, миновали полянку. После полянки никаких уроков не было.

— Ну, куда же теперь идти? — оглянувшись вокруг, спросил Главный Короед. — Где эти уроки?

— Я полагаю, что надо послать вперёд разведчика, — сказал Ольховый Листоед. — Он разузнает, где тут находятся уроки, а мы подождём его здесь.

Предложение Листоеда всем понравилось.

— Пошлём Бабочку-монашенку, — продолжал Ольховый Листоед. — Ей на крыльях передвигаться легче и быстрее, чем всем нам.

— Я бы долетела, — сказала Монашенка, — но у меня очень слабая память, и я ни за что не сумею запомнить правильную дорогу. Давайте попросим пойти Главного Короеда.

— Нет, нет, — возразил Главный Короед, — я не могу оставить свой пост. В разведку должен идти кто-нибудь из вас. Но это должен быть умный и учёный жук. Пусть будет разведчиком Типограф. Он самый умный среди вас и лучше других сумеет всё разузнать.

— Конечно, Типограф! — одобрительно зашумели все.

Так Типографу пришлось идти в разведку.

Типограф уходит в разведку, а жуки встречаются с Колькой

Пока был ольховый лес, Типограф шёл всё время прямо. Но вот сбоку показалась ёлка, и он со всех ног устремился к ней.

Типограф залез на ёлку и, не мешкая, принялся за своё привычное дело: выгрыз в коре одну

длинную полосу снизу вверх, потом четыре поперечных полоски вправо.

Свежая кора была очень вкусна. Полюбовавшись своей новой работой, Типограф сказал:

— Пусть это обозначает: «Я здесь хорошо поел».

Он ещё раз взглянул на полоски и пополз дальше, к другим ёлкам.

Пока Типограф лазил по ёлкам, жуки отдохнули и с нетерпением поглядывали на кусты, за которыми скрылся разведчик. Наконец им надоело ждать, и они решили идти за ним вслед.

Скоро жуки добрались до первой ёлки, на которой Типограф оставил следы своего пребывания.

Все сразу заметили надпись.

Главный Короед с важным видом поглядел на длинную полосу и на все поперечные:

— Тут написано: «Идите вперёд».

— Мы и так знаем, что надо идти вперёд, — сказал Ольховый Листоед. — Наверное, Типограф написал что-нибудь более важное, например: «Не ходите вперёд, там опасность».

— Если бы была опасность, он вернулся бы назад, — заметил Большой Долгоносик. — Скорее всего, тут написано: «Поворачивайте направо».

— А почему не налево? — спросила Монашенка.

Поднялся жаркий спор. Но Главный Короед твёрдо повторил:

— Тут написано: «Идите вперёд».

И все двинулись вперёд за Главным Короедом.

Главный Короед отличался одной особенностью: когда он шагал правой ногой, то шаг у него получался длиннее, чем когда он шагал левой, и поэтому при ходьбе он всегда отклонялся влево. При недалёких прогулках это ему не мешало. Но тут Главный Короед, сделав круг, в конце концов опять привёл всех на ту же самую полянку, с которой они вышли. Ни он сам, ни тем более другие жуки, бабочки и гусеницы не догадывались, что они вернулись назад.

— Опять поляна! — воскликнул Ольховый Листоед. — Уж не заблудились ли мы?

— Мы не заблудились, а вышли куда надо, — возразил Главный Короед. — Сейчас будут уроки.

И тут он увидел Кольку.

Колька шёл в Короедск, и его мучила горькая обида на несправедливость.

Ведь как не хотел он сегодня опаздывать в школу, бежал, чуть не задохнулся, — и всё равно опоздал. И на уроке вёл себя хорошо, даже с Мишкой не стал разговаривать, а Иван Семёнович всё равно выгнал его из класса и теперь ещё будет родителям жаловаться. А за что? Разве он виноват?

60 А парта тоже хороша! И пол, и дверь, да и та ольха,

что одежду утащила... Одни жуки как люди поступили, помогли.

— Я же говорил, что Коля ждёт нас в условленном месте! — закричал Главный Короед. — Ура!

Жуки радостно подхватили:

— Ура! Ура! Ура!

— Видите, я был прав, — сказал Главный Короед. — Я совершенно правильно прочитал надпись Типографа. Я, а не вы.

— Но где же тогда сам Типограф? — спросил Ольховый Листоед. — Если он указал путь, то прежде всего сам должен был прийти в это место.

Но теперь уже никому не было дела до Типографа. Главное, они нашли Кольку.

— Коля, корпривет! — закричал Главный Короед. — Корпривет!

— Что? — переспросил Колька.

— Короедский привет. В общем, здравствуй!

— Привет, жуки! А я к вам иду. Только чего вы сюда забрались?

— Ты сам сказал, чтобы мы ждали тебя после уроков. Извини, что запоздали. Мы впервые в этих местах, — сказал Ольховый Листоед. — Но мы пришли. Теперь води нас в Пионерскую рощу.

— Я свои обещания всегда выполняю, — сказал Колька и бодро скомандовал: — Жуки, слушай мою команду: стройся и шагом марш!

Жуки хотели опять ползти напрямик, но Колька, чтобы не идти мимо Старого Дуба, повёл всех в обход, вдоль реки.

Первая встреча с Бревном

Рядом с Колькой с одной стороны вышагивал Главный Короед, с другой, оттеснив в сторону Большого Долгоносика, семенил Ольховый Листоед. А вокруг сновали жуки, залетали вперёд и вились над головой бабочки, сзади торопились гусеницы, от спешки наступая своими задними ногами на свои же передние.

— Вот что, жуки, — сказал Колька, — я хочу попросить вас об одном деле.

— Проси, для тебя всё сделаем, — заверил Главный Короед.

— Если сумеем, и если это нам по зубам, — добавил Ольховый Листоед.

— Ну, это вы умеете! Надо пожрать кое-какую деревянную мебель.

— Деревянную — можно, — сказал Главный Короед. — Кабы мы не жрали дерево, то давно бы сдохли.

— А ради тебя будем стараться в десять раз больше, — добавил Ольховый Листоед.

— Ну ладно, значит, договорились, — сказал Колька.

В это время откуда-то с реки донёлся тихий взволнованный голос:

— Ну пожалуйста, пустите меня!.. Пустите!..

— Эй, кто там? — спросил Колька, останавливаясь.

— Помогите!.. — позвал тихий голос, и послышался негромкий плеск воды.

— Пошли, пошли скорей, — заторопил Кольку Главный Короед.

Но Колька решительно свернул с дороги.

— Чудак! — сказал Главный Короед.

Колька вышел на берег небольшого залива, отделённого от реки длинной песчаной косой*. Посреди залива плавало большое Берёзовое Бревно. Оно поворачивалось то в одну, то в другую сторону, но неизменно натыкалось или на берег, или на косу.

— Что тут случилось? — громко спросил Колька.

— Я плыву на бумажную фабрику и вот застряло, — ответило Бревно. — Здесь такой узкий выход. Помогите мне выбраться на открытую воду.

— Сейчас помогу, — сказал Колька и стал рзுவаться.

— Коля, что ты делаешь? — спросил Главный

64 Короед.

* Коса — здесь: низкая и узкая полоса земли, идущая от берега; мыс.

— Разуваюсь.

— Зачем?

— В воду полезу. Видите, Бревно застряло, надо помочь.

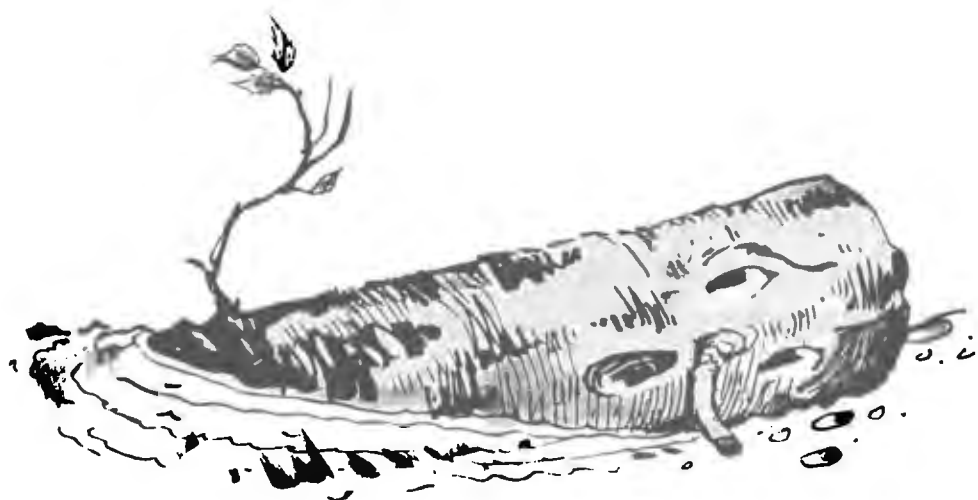
— Бревну? Помочь? — в один голос воскликнули Главный Короед, Большой Долгоносик и Ольховый Листоед. — Ты собираешься помочь Бревну?!

— Плюнь, — сказал Главный Короед.

— Брось, — посоветовал Ольховый Листоед.

— Пошли скорее в рощу, пока её никто не съел, — заключил Большой Долгоносик.

Но Колька уже закатал брюки до колен, влез в воду, повернул Бревно и изо всех сил подтолкнул его. Бревно, в последний раз задев косу, вышло на открытую воду.

— Спасибо, — сказала оно, — если бы не ты, пришлось бы мне до будущего половодья торчать в этом заливе.

— Ну, теперь пошли дальше, — сказал Колька, вылезая на берег.

— Наконец-то, — проворчал Главный Короед. — Сколько времени потеряли.

— Ладно, — ответил Колька, — теперь идём прямо в рощу.

Воробей ничего не напутал

Первой заметила надвигающуюся опасность Высокая Сосна. Ей с холма был виден небольшой отрезок дороги, ведущей от школы в посёлок и затем в Пионерскую рощу. Не так уж много, по совети говоря, но другие деревья не видели и того, и поэтому Сосна была самым осведомлённым деревом в лесу.

Сначала Сосне показалось, будто на дорогу упала тень от небольшой тучи. Но небо было совершенно ясное, без единого облачка. Потом она увидела Кольку Кочерыжкина и рядом с ним жуков.

66 — Я вижу, — тихо сказала Сосна.

Весь лес замер в тревожном ожидании, но Сосна молчала.

— Ну, что там, говори, — сказал Старый Дуб.

— На дороге — Колька Кочерыжкин и с ним видимо-невидимо жуков, бабочек и гусениц.

Голос у Сосны дрогнул.

— Они направляются к нам! — воскликнула она. — Ах, нет, они повернули к посёлку.

Теперь не было никаких сомнений: Воробей говорил правду и ничего не напутал.

— Позовите ко мне Дятла, — сказал Старый Дуб. — Он, наверное, сидит у ручья и читает свою книгу.

По лесу от дерева к дереву пронёсся взволнованный шелест:

— Дятел, Дятел! Тебя зовёт Старый Дуб! Тебя зовёт Старый Дуб!..

Редкий вид лесного вредителя

В радости жуки забыли про своего разведчика. А Типограф всё бродил и бродил по лесу. Переползая от ёлки к ёлке, он не только позабыл, в какую сторону ему нужно идти, но и не помнил, с какой стороны пришёл. Типограф заблудился. Но он полз, надеясь, что как-нибудь выползет к дому.

Вдруг за деревьями он услышал разговор. Типограф стал осторожно подкрадываться: может, там есть кто-нибудь, кто не откажется показать дорогу к дому.

Он выполз как раз на поляну к Старому Дубу и остановился, прислушиваясь.

— Теперь ты знаешь, зачем мы позвали тебя, — говорил кому-то Старый Дуб.

— Да, дело серьёзное, — слышался голос из-за куста, и Типограф узнал Дятла. — Но пусть эти злодеи жуки не радуются раньше времени. Я слетаю в дальние леса и позову на помощь всех птиц.

Услышав это, Типограф разумно решил, что ему лучше не показываться в обществе, где его считают злодеем, и притаился. Ему было всё хорошо видно и слышно.

— Только вот не знаю, что делать с Колькой Кочерыжкиным, — вздохнув, продолжал Дятел. — Мне ещё ни разу не попадался такой вредитель. Все мои знакомые ребята — и мальчики и девочки — живут с лесом в дружбе.

И вдруг Дятел обрадованно воскликнул:

— Как же я забыл про Профессора! Вот у кого надо спросить. Уж он-то, конечно, посоветует, что нам делать с Колькой.

— Да, да! — подхватил Старый Дуб. — Лети скорее к нему в город!

— Но тогда я не успею слетать за птицами. Надо к Профессору послать кого-нибудь другого.

— Я слетаю к Профессору в город, — откликнулся Воробей.

— Ты? — удивился Старый Дуб.

— Я. Правда, я никогда не бывал у Профессора, но я узнаю у городских воробьёв, где он живёт, и передам ему всё, что нужно.

— А если вдруг тебе на пути попадётся рассыпанный овёс, что ты будешь делать?

— Клевать, — быстро ответил Воробей и тут же поправился: — То есть не буду клевать, а полечу прямо к Профессору. Честное слово!

Воробей клялся так горячо, что Старый Дуб наконец согласился.

— Ладно, лети и передай Профессору, что я зову его по очень важному и очень срочному делу. Понял?

— Понял. Ты зовёшь его по очень важному и очень срочному делу.

— Правильно. Лети.

Воробей и Дятел взмахнули крыльями и полетели в разные стороны: один — в город к Профессору, другой — в дальний лес за птицами.

Жуки видят Пионерскую рощу

Дорога сворачивала к посёлку. Лес кончился, и дальше расстилались поля.

Колька остановился и показал вдаль, за поля, где до самого горизонта сверкала светлой молодой листвой Пионерская роща.

— Вот она!

Жуки и гусеницы подняли головы, бабочки взлетели вверх, чтобы лучше разглядеть Пионерскую рощу.

— Какая большая!

— Какая молодая!

Отталкивая друг друга, жуки устремились вперёд.

— Пустите меня! Пустите меня! — кричал Большой Долгоносик. — Я имею право! Я привёл Колю в Короедск.

Главный Короед довольно приговаривал:

— Хорошо, хорошо, хорошо... Здрóрово!

— Но меня одно беспокоит, — сказал Ольховый Листоед. — Я боюсь.

— Чего ты боишься? — перебил его Главный Короед. — Лес большой.

— Вот именно, я боюсь, что мы не сможем съесть такой большой лес.

Главный Короед рассмеялся и, наклонившись к Листоеду, тихо сказал:

— Ладно, так и быть, открою тебе тайну: с часу на час в Короедске должны вылупиться из яичек гусеницы Непарного Шелкопряда*. Много тысяч милых, прожорливых гусениц, сильных и голодных как волки. А мы их в Пионерскую рощу — пожалуйста кушать! Вот так.

* Непарный шелкопряд — бабочка; опасный вредитель многих древесных пород.

И вдруг Главный Короед поперхнулся, подпрыгнул, выскочил вперёд и встал перед своей армией.

— Стой! — повелительно приказал он. — В Пионерскую рощу мы не идём! Все назад, в Короедск!

Бабочки, жуки и гусеницы оцепенели. Было похоже, что всё короедское войско вдруг впало в зимнюю спячку.

— П-почему? — наконец выдавил из себя Ольховый Листоед, единственный из жуков, не потерявший дара речи.

— А потому, что если они дорвутся до рощи, их оттуда не оттащишь, пока всё не сожрут, — шепнул Главный Короед.

— Ну и п-пусть едят на здоровье.

— Дурак.

— Я?

— Ты. Кто же ещё! Что будут есть гусеницы Непарного Шелкопряда, если эти сейчас съедят Пионерскую рощу?

— Так, так. Понятно. Я тоже думаю, ни в коем случае нельзя съесть рощу сейчас.

Ольховый Листоед поднял вверх две лапки и закричал:

— Стойте! Стойте! Поход в Пионерскую рощу откладывается! Так велел Главный Короед! Ура!

Но бабочки, жуки и гусеницы всё ещё находились в оцепенении, и «ура» осталось без ответа.

Главный Короед сначала рассердился, потом растерялся. Он пробежал по безмолвным рядам и остановился против Большого Долгоносика, который застыл на одной лапке: приказ застиг его в тот самый момент, когда он, подпрыгнув, собирался пробраться вперёд по спинам и головам.

— Эй! Очнись! — крикнул Главный Короед.

Большой Долгоносик не шевелился. Тогда Главный Короед толкнул его в бок. Большой Долгоносик качнулся и свалился на спину, не подавая признаков жизни.

— Что с ним случилось? — удивился Колька.

— Что с ним? — воскликнул Главный Короед.

— Он оцепенел от горя, — ответил Ольховый Листоед.

— А ты почему не оцепенел?

— Потому что мне это горе не в горе. У нас же с тобой и без рощи полно запасов. Будь у них запасы, они бы тоже не огорчились.

Ольховый Листоед говорил сущую правду. Несмотря на то что в Короедске даже самые юные жучата жили впроголодь, Главный Короед и Ольховый Листоед каждый день могли

наедаться и свежей листвы, и зелёной хвои, и молодых веточек. В Короедске имелись зелёные запасы, которые всем жукам и гусеницам было запрещено трогать, и даже смотреть на них запрещалось.

— Ну и голова у тебя! — обрадовался Главный Короед и, вскинув вверх усы, громко начал выкрикивать:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Сегодня! Всем! Будет выдано из короедских зелёных запасов! Столько еды, сколько каждый может съесть! А роща от нас не уйдёт!

— Чего ж вы рвались-рвались, а теперь назад? — удивлённо спросил Колька.

— Мы — потом, — ответил Главный Короед.

— Есть важная причина, — пояснил Ольховый Листоед.

— Какая причина?

Ольховый Листоед что-то ответил, но, так как очнувшиеся жуки, гусеницы и бабочки подняли оглушительный крик, Колька смог расслышать только обрывки нескольких слов: «Мы ждём... непар... шелк...» Колька переспросил:

— Что?

Но Ольхового Листоеда уже не было рядом, а всем остальным было не до Кольки и не до его вопросов.

Колька попадает в плен

— Ура! Будем есть зелёные запасы, будем веселиться! — кричали жуки, гусеницы и бабочки.

— Веселиться! — подпрыгивал от радости Большой Долгоносик. — Есть и веселиться! Коля, идём с нами.

— Я бы пошёл, да мне домой пора, опоздаешь к обеду — мать ругаться будет.

«А может, всё-таки сходить на пять минут? — подумал он. — Посмотрю немного и пойду домой».

Так как пользоваться запасами зелёной лис-твы и свежей хвои могли только Главный Короед и его ближайшие помощники, то простые короеды даже не знали, где находятся эти запасы и как они выглядят. Но все были уверены, что они велики и вкусны необычайно. Ведь не станет же Главный Короед питаться какой-нибудь дрянью.

Главный Короед и Ольховый Листоед повели жуков к зелёным запасам.

Колька еле успевал за своими проголодавши-мися друзьями. Ему приходилось гораздо труднее, чем им. На каждом шагу попадались поваленные, источенные и изгрызенные деревья. Колька, чтобы не отстать от короедов, прыгал через ямы и лужи, взбирался на кочки, подлезал под ветки, а кое-где даже полз на четвереньках.

Наконец выбрались на небольшую поляну, где, сиротливо прижавшись друг к другу, стояло несколько берёз, ёлочек и сосенок. Были они свежие, зелёные и только слегка объеденные.

— Вот наши короедские запасы зелёной листвы и свежей хвои! — громко объявил Главный Короед. — Ешьте их! Пусть каждый съест столько, сколько в него влезет!

Жуки не заставили повторять приглашение. Скрежеща крепкими челюстями, они устремились

на деревья. Извиваясь и припадая брюхом к коре, поползли вверх по стволам зелёные, серые, полосатые и пятнистые гусеницы.

В один миг возле Кольки не осталось ни одного жука, ни одной гусеницы.

Со всех сторон поляну окружали мёртвые чёрные стволы засохших деревьев. Лишь эти несколько берёзок, ёлок и сосенок напоминали о том, что где-то есть настоящий зелёный лес. И вдруг они задрожали, зашевелились каждой веточкой, каждым листом, каждой хвоинкой. Посыпались на землю клочки объединенных листьев. Казалось, деревья плакали. Скоро сквозь поредевшую листву стали видны чёрные голые сучья, такие же страшные, как деревья, окружавшие поляну.

Колька с ужасом смотрел на эту картину. Ему вдруг стало тоскливо и жутко, и он отвернулся. Только когда на берёзах осталось совсем немного листьев, а на ёлках и соснах — всего несколько сучков с зелёной хвоей, Главный Короед командовал:

— Довольно! Ишь обрадовались, дуст вас опрысни! Марш с деревьев!

Жуки, каждый прихватив кусочек листа или одну-две хвоинки — кому что было по силам, — нехотя спустились с деревьев.

Аппетит, как известно, приходит во время еды, а аппетит у жуков был гораздо больше, чем они могли ухватить из зелёных запасов.

Большой Долгоносик съел свою добычу, потом жучихину, а потом и отложенный жучихой для жучонка пучок совсем молоденьких сосновых иголочек. После этого он повернулся к Кольке:

— Помнишь, ты говорил, что где-то что-то надо съесть?

— Что? — переспросил Колька. Он ещё не пришёл в себя от страшной картины, которую только что увидел, и потому не сразу понял, о чём его спрашивают.

— Ты говорил, надо мебель какую-то съесть, — повторил Большой Долгоносик.

— Какую ещё мебель? А-а, это про парту. Пятая парта в третьем ряду. Я на неё сел, а она мне как поддаст! Я чуть на пол не свалился.

— Так-так, — зловеще проговорил Большой Долгоносик.

— Не беспокойся, Коля, — сказал Главный Короед. — Можешь рассчитывать на нас. Эй, точильщики, древогрызы, древоточцы, вы справитесь с этой партой?

— Справимся! Справимся! — закричали жуки.

— Боюсь, одной парты им всем не хватит, — заметил Ольховый Листоед.

— Пусть жрут все парты! — воскликнул Главный Короед. — Все парты, все столы, все полы, все стены! Пусть всю школу превратят в труху!

— Всю школу не надо, — сказал Колька. — А то где же учиться?

Главный Короед, не слушая Кольку, воинственно выкрикивал:

— Школу в труху! Посёлок в труху! Всё в труху!

— В труху! — вторили ему жуки.

Что тут началось!

Жуки прыгали, щёлкали челюстями, топорщили усы и кричали один громче другого:

— В труху! В труху!

Колька заткнул уши пальцами и тоже закричал:

— Я не хочу, чтоб посёлок превратился в труху!

И чтобы школа — тоже не хочу!

Жуки сразу замолкли.

— Ну, что ты? Что ты? Домá-то ведь деревянные, а у тебя с деревьями дружба врозь — чего тебе их жалеть? Пусть они все рассыплются в труху, — сказал Большой Долгоносик.

— Хитрый какой — «рассыплются»... Где же мы тогда жить будем? У нас вот изба только недавно поставлена.

— Подумай, что ты говоришь! — возмутился Большой Долгоносик. — Ты говоришь так, как будто ты не короед.

Колька топнул ногой.

— Никакой я не короед! Придумали тоже!

Ольховый Листоед отозвал в сторону Главного Короеда и Большого Долгоносика.

— Слышали? — тихо спросил он, указывая на Кольку.

— Да-а, — проговорил Главный Короед. — Ещё никто никогда не отказывался от славного и почётногo имени короеда.

— А я давно заметил, что этот Коля как-то странно себя ведёт, — сказал Ольховый Листоед. — С того самого раза, как он бросился помогать Бревну. Ведь, кажется, ясно: попало Бревно на мель — пусть гниёт. А он что сделал?

— Он не дал ему сгнить, — ответил Главный Короед.

— Значит, он помог дереву, и поэтому он — изменник.

— Правильно! — воскликнул Главный Короед. — И кто только назвал его короедом! Это ты, Большой Долгоносик, виноват.

— Я ничего... Я подумал... Ведь Коля всё-таки показал нам путь в Пионерскую рощу...

— Ну и что? Теперь мы сами знаем этот путь, а твоего Колю за такие дела надо гнать из Короедска. Иди сейчас же к нему и скажи, чтобы он убирался отсюда.

Но Колька уже сам подошёл к жукам.
— Я ухожу домой, — сказал он.
— Уходи, — ответил Ольховый Листоед.
— А в какую сторону мне идти?
— В какую хочешь.

Жуки в одно мгновение разбежались в разные стороны и скрылись в своих норках и дырках. Поляна опустела. Колька остался один.

Было тихо, и вокруг, как сторожа, чёрной стеной стояли угрюмые обглоданные деревья.

Часть третья

Колька пропал

Когда кончился последний урок, Мишка Зайцев слазил под парту, собрал в свой портфель Колькины книжки, тетради и понёс их к нему домой.

Дверь ему открыла Колькина мама.

— Коля дома?

— Нет, ещё не приходил из школы. Небось опять гоняет в футбол. Увидишь его, скажи, пусть сейчас же идёт домой.

— Ладно, скажу, — ответил Мишка и побежал на соседнюю улицу, где ребята обычно играли в футбол.

Но Кольки среди игроков не было. Не было его и среди болельщиков.

— А где Колька? — спросил Мишка у вратаря.

— Почём я знаю? Небось дома сидит. Он сегодня
84 не выходил. Хочешь, становись на моё место!

В другое время Мишка, конечно, встал бы, но то, что Кольки не было ни дома, ни на футболе, начало его беспокоить.

«Из школы ушёл, домой не приходил... Наверное, боится, что мать ругать будет, — решил Мишка. — А может, он в лесу заблудился? Какой-то он сегодня чудной».

Мишка забежал домой, бросил портфель и отправился на поиски друга.

Прежде всего надо обследовать дорогу из школы в посёлок, не остались ли там, на дороге, Колькины следы.

Мишка шёл по лесу, внимательно смотрел вокруг и время от времени кричал:

— Колька-а! Где ты-ы?!

Колька не отзывался. Следов тоже не было.

Вдруг впереди, между деревьями, Мишка увидел человека.

Это был невысокий седой старичок с белой бородкой, в серой шляпе и светлом пальто. Легко опираясь на палочку, он быстро уходил от дороги вглубь леса.

— Дедушка, вы не встречали здесь мальчика? — окликнул его Мишка.

— Нет, не встречал, — ответил старичок, останавливаясь.

— Понимаете, у меня друг пропал, Колька Кочерыжкин.

— Как пропал? Где?

— Здесь, в лесу.

— В лесу никто не пропадает, — ответил старичок и поднял вверх палец. — Запомни, юноша. Это говорю тебе я — Профессор Лесных Наук. А теперь объясни, что случилось с твоим другом.

— Понимаете, он из школы ушёл, а домой не пришёл. Факт, заблудился.

— Заблудился — это другое дело. Но не пропал. Если он действительно

заблудился, то мы его обязательно отыщем. Сначала я должен выяснить, зачем меня звал Старый Дуб. А потом мы примемся за поиски твоего друга. Подожди меня тут или, если хочешь, пойдём со мной.

— Я уж лучше пока поищу Кольку, — сказал Мишка, — сбегаю вон за те кусты к речке.

— Хорошо, сбегай к речке, — согласился Профессор.

Кольку Кочерыжкина Профессор берёт на себя

Профессор спешил. Он знал, что Старый Дуб не стал бы его тревожить по пустякам.

Увидев Профессора, Старый Дуб качнул ветвями.

— Здравствуй, — сказал Профессор, приподнимая шляпу. — Что случилось? Какое у тебя ко мне важное дело?

— Беда, — ответил Старый Дуб.

— Беда? — встревожился Профессор. — Какая беда?

— Жуки и гусеницы готовятся напасть на Пионерскую рощу.

— Постой, постой! Разве они забыли, что люди запретили им появляться в лесу? Разве они больше не боятся птиц?

— Наверное, боятся. Но все птицы разлетелись по своим делам: кто в дальний ельник шелушить

шишки, кто на болото клевать перезимовавшую клюкву. Ведь уже много лет жуки и гусеницы не показываются у нас. А в Пионерскую рощу жуков ведёт человек — второклассник Колька Кочерыжкин.

— Не может быть! — воскликнул Профессор.

— Я тоже думал, что не может быть. Но мы сами видели Кольку Кочерыжкина во главе короедского войска. Всего какой-нибудь час тому назад он вывел жуков на край леса и показал им Пионерскую рощу.

— Так, значит, жуки уже в роще?!

— Нет, они посмотрели на неё и почему-то повернули обратно.

Профессор нахмурился.

— Так, — сурово проговорил он. — Безусловно, только какая-то случайность помешала сегодня короедам дойти до Пионерской рощи, и они обязательно повторят свой поход. Но когда?

— Мы этого не знаем, — ответил Старый Дуб.

— Да, конечно. И я тоже не знаю, — сказал Профессор. — Это знают только жуки и Колька Кочерыжкин. Поэтому прежде всего необходимо заняться им. Да уж не тот ли это Колька Кочерыжкин, который заблудился в лесу?

— Ничего он не заблудился, — ответил Старый Дуб. — Он ушёл с жуками в Короедск.

— Хорошую же компанию выбрал себе этот мальчишка! — совсем рассердясь, сказал Профессор и добавил: — Кольку Кочерыжкина я беру на себя. Он не скроется от меня даже в Короедске.

Колька смотрит книгу, которую оставил ему Дятел

Колька, обняв портфель, сидел под обглоданной берёзкой, которая ещё совсем недавно была с листвой и называлась короедскими зелёными запасами. Он с тоской посматривал вокруг себя и старался сообразить, в какой стороне находится дом.

Сначала ему казалось, что он пришёл сюда справа, потом показалось, что вовсе не справа, а слева. Деревья были похожи одно на другое, и вид у них был хмурый и неприветливый.

Колька устал и проголодался. Время обеда давно прошло. «Скоро наступит вечер, а там и ночь, — подумал он и испугался: — Неужели придётся ночевать в лесу?»

В отчаянии Колька опустил голову на колени и всхлипнул.

В тишине над чёрными вершинами елей раздалось торопливое хлопанье крыльев. Колька поднял

голову и увидел длинноносую птицу с книгой под мышкой. Он сразу узнал Дятла, в которого утром запустил палкой.

— Что ты тут делаешь, мальчик, и почему ты плачешь? — спросил Дятел.

— Я забыл, в какой стороне дом, — всхлипывая, пожаловался Колька.

— Ай-яй-яй, — сочувственно покачал головой Дятел, а про себя подумал: «Это хорошо, что Колька не знает, как выбраться к посёлку, значит, он не сможет провести жуков в Пионерскую рощу. Надо его задержать, пока я слетаю за птицами».

Дятел спустился на самую нижнюю ветку и сел перед мальчиком.

— Слушай меня, — сказал он. — Сейчас я очень спешу и не могу тебе помочь. Но я скоро вернусь и тогда займусь тобой. Сиди здесь и жди меня. А чтобы тебе не было скучно, посмотри вот это. — И Дятел передал Кольке свою книгу. — Только смотри не потеряй.

Колька вытер нос, раскрыл книгу на первой странице и прочёл: «Что растёт в лесу, или Миллион волшебных превращений».

— А-а, сказки? Это я люблю.

— Сказки, да не совсем, — загадочно ответил

90 Дятел и улетел.

А Колька перевернул ещё одну страницу и принялся читать.

Он узнал много удивительных вещей.

Узнал, что сосна может превратиться в меховую шубу, ёлка — в кожаные ботинки и в резиновый мяч, осина — в бумагу и в шёлк. Даже сосновый пенёк и тот мог стать куском мыла. И вообще получалось, что чуть ли не каждая вещь дома и в школе когда-то была ёлкой, берёзой или каким-нибудь другим деревом и росла в лесу.

Колька закрыл книгу и лёг на спину, положив портфель под голову.

Ярко светило солнце. Голые объединённые деревья почти не давали тени, и Кольку быстро разморило.

Он лежал, смотрел в голубое небо и считал проплывавшие облака: одно, другое, третье... Считал-считал и не заметил, как уснул. А когда он уснул, то ему приснился сон.

Сон, приснившийся Кольке

Снилось Кольке, что он идёт по дороге через Пионерскую рощу. Сверкают на солнце листья и молодая хвоя. Берёзки задорно потряхивают

золотистыми серёжками, а любопытные еловые шишки высовывают из-под веток свои красные носы.

И вдруг Колька увидел среди зелени красно-синий пузатый мяч. Мяч подпрыгнул и выскочил на дорогу, но, заметив Кольку, покатился обратно. Колька бросился за ним, приговаривая:

— Не убежишь! От меня ещё ни один мяч не убегал!

— А я не мяч, я — берёза! — крикнул тот и на глазах у Кольки превратился в пушистую берёзку.

Берёзка качнула ветвями, и на них, взмахивая страницами, как крылышками, затрепыхались белые тетрадки; потом тетрадки исчезли, а вместо них от ветки к ветке протянулись, заструились шелковистые нити, сплетаясь в сверкающее полотно...

Неожиданно, откуда ни возьмись, на дороге показался Главный Короед. За ним, как чёрная туча, двигалось короедское войско.

— Коля! Корпривет! — крикнул Главный Короед. — Хор-р-роша рощица!

— Что такое? — в страхе воскликнула берёзка. — Откуда вы взялись?

— Нас привёл сюда Коля, мальчик-короед.

Жуки и гусеницы уже хозяйничали в роще.
92 Посыпалась листва, затрещали ветки; пушистая

берёзка, которая только что красовалась перед Колькой, превратилась в уродливый тощий скелет, похожий на мёртвые стволы Короедска.

— Что вы делаете? Не смейте! — закричал Колька и в ужасе проснулся.

Вторая встреча с Бревном

Вокруг стояли чёрные сухие деревья и не было никакой Пионерской рощи. Колька вздохнул с облегчением: «Значит, жуки не сожрали берёзку». Но он сейчас же подумал, что они всё равно нагрянут в рощу, и тогда...

Колька вскочил на ноги. Куда же запропастился Дятел? А может, он его обманул, может, он совсем не прилетит? Нет, ждать больше нельзя. Надо выбираться из Короедска! Надо бежать к леснику, звать на помощь людей. Надо остановить короедов.

Колька схватил портфель, вытряхнул из него шишку великого Монохамуса, положил туда книгу и бросился вперёд.

Он бежал напрямую — через валежины*, через сухие ельники — и огляделся только тогда, когда очутился в самом обычном лесу.

Лес был незнакомый.

* Валежина — упавшее дерево.

«Не в ту сторону надо было бежать, — с досадой подумал Колька. — Придётся вернуться».

Чтобы не попасть снова в Короедск, Колька решил обойти его стороной и стал забирать правее. /

Впереди между деревьями сверкнула река.

«Вот хорошо! — обрадовался Колька. — Если пойти по берегу, река обязательно выведет к посёлку».

Идти было трудно. Лес подступал к реке так близко, что прибрежные ивы и берёзы полоскали свои ветки в воде.

Колька то и дело спотыкался о корни и кочки и поминутно нагибал голову, чтобы не задеть за нижние ветви деревьев.

Вдруг он услышал с реки знакомый голос:

— Коля!

— Кто там?

— Это я, Берёзовое Бревно. Я опять застряло.

— Ладно, сейчас помогу.

Колька спустился к воде и оттолкнул Бревно от берега.

— Садись на меня. Раз уж нам с тобой по пути, я тебя подвезу, — сказала Берёзовое Бревно.

— Вот это здорово! — обрадовался Колька и тут же уселся на Бревно верхом.

Они плыли, минуя заводи*, мимо ольшаников и склонившихся над водой вётел**.

В одном месте Колька услышал, как чей-то голос, похожий на голос Мишки Зайцева, позвал его.

— Мишка! — крикнул Колька, вглядываясь в берег.

Но с берега никто не отозвался.

«Послышалось», — подумал Колька.

Тут Бревно как раз вышло на стрежень*** и, уносимое течением и подгоняемое ветром, помчалось вперёд ещё быстрее.

* Заводь — речной залив.

** Ветла — то же, что и ива.

*** Стрежень — самая быстрая часть течения реки.

У Профессора появляются надежды

— Я займусь этим мальчишкой. Я сам займусь этим мальчишкой, — хмуря брови, повторял Профессор.

Он уже застегнулся на все пуговицы и собрался уходить, когда к Старому Дубу подбежал Мишка. Он размахивал руками и кричал:

— Я видел Кольку! Я видел Кольку! Он плыл по речке верхом на Берёзовом Бревне.

— На Берёзовом Бревне? — переспросил Дуб. — Как же Бревно позволило ему сесть на себя? Раз дружба врозь — значит, врозь.

— Здравствуйте, — слышалось сверху, и на нижнюю ветку опустился Дятел.

— Здравствуй, — ответил Профессор. — Но почему у тебя такой огорчённый вид?

Дятел вздохнул:

— Я лишился моего самого ценного сокровища — книги, которую вы мне подарили.

И он рассказал, как встретил в лесу заблудившегося Кольку Кочерыжкина и как оставил ему книгу, чтобы задержать его до своего возвращения.

— Интересно, — сказал Профессор. — Продолжай, пожалуйста.

— Возвращаюсь назад — пусто: ни книги, ни мальчишки. Он убежал, бросив короедскую шишку и унеся с собой мою книгу.

— И после этого Берёзовое Бревно ещё катает его! — воскликнул Старый Дуб.

— погоди, старина, не возмущайся, — остановил его Профессор. — Тут что-то не так. Возможно, Берёзовое Бревно имело свои причины нарушить твой приказ.

Профессор остановился и обвёл взглядом стоявших вокруг.

— То, что Колька убежал из Короедска и взял с собой книгу, а короедскую награду бросил, и то, что теперь его везёт Берёзовое Бревно, вселяет в меня определённые, весьма приятные надежды. Однако очень странно, что Колька движется не к посёлку, а в противоположную от него сторону.

— Он заблудился. Я же говорил, он заблудился! — воскликнул Мишка. — Ой, теперь его унесёт неизвестно куда.

— Не волнуйся, Миша, — успокоил его Профессор. — Река делает здесь довольно большую петлю, и если пойти напрямик мимо болота, то можно успеть к следующему повороту.

— Я тоже с вами, — сказал Мишка.

— Нет, — ответил Профессор. — Ты оставайся. Вдруг Коля поймёт свою ошибку, прежде чем доплывёт до поворота? И если он появится здесь раньше меня, удержи его до моего возвращения.

Колька обнаруживает свою ошибку

Лес кончился, и теперь река текла среди лугов.

— Скоро посёлок, — сказал Колька, глядя вперёд.

— Какой посёлок? — удивилось Берёзовое Бревно. — Я его давно уже проплыло, ещё до того, как мы с тобой встретились.

— Проплыло?! — в ужасе воскликнул Колька.

— Да.

— А мне надо в посёлок. Скорее, скорее назад!

Легко сказать — назад. Бревно радо было бы помочь Кольке, но не могло же оно плыть против течения.

Бревно в растерянности закружилось на месте и пошло к берегу.

Едва оно коснулось берега, Колька прыгнул на сушу.

98 — Раз нельзя плыть, я пойду обратно пешком.

— Далековато, конечно, — сказала Бревно, — река тут очень петляет. Но завтра к полудню ты будешь дома.

Колька был в отчаянии.

— К полудню уже будет поздно. Короеды уже сожрут Пионерскую рощу, школу, посёлок.

— Короеды? Рощу?

— Да. Никто про это не знает. Один я знаю. Надо скорее звать людей на помощь. Я бегу.

— Стой! — остановило его Бревно. — В посёлок есть прямой и короткий путь.

— Где?

— Через болото. Но там нет ни дороги, ни тропинки, там всюду ямы и чёрная трясина. Будь осторожен, не верь болоту и всё время держись ближе к деревьям.

— Держись ближе к деревьям, — прошелестели прибрежные осины, ивы и берёзы, которые слышали весь разговор.

В Гнилом Болоте

Сначала вокруг был лес как лес. Потом лес поредел, вместо крепких, высоких стволов появились маленькие сгорбленные деревца.

Начиналось болото.

На рыжих кочках топорщился мох и лежали бледные, вытянувшиеся ниточки клюквы с розоватыми цветами.

Сосенки и берёзки росли здесь редкой прерывистой цепочкой. Колька петлял, прыгая с кочки на кочку, выбирая те из них, на которых рос хоть какой-нибудь кустик: шаг вправо, шаг влево, шаг вперёд... Конец болота уже совсем близок — вот он! Впереди снова зеленел самый настоящий лес, а деревца всё уводили в сторону.

— И чего тут петлять? — рассердился Колька. — Пойду напрямик. Вон сколько кочек ведут прямо к лесу.

И Колька ступил ногой на ближнюю пустую кочку. Кочка под ним качнулась и опустилась вниз, так что он чуть не упал, потеряв равновесие.

Вокруг следующей кочки стояла вода, но Колька решительно прыгнул вперёд и в то же мгновение почувствовал в ботинках холодную воду.

Колька обернулся назад, хотел вернуться на сухое место. Он уже приготовился прыгнуть, но под ногами не было никакой опоры: зыбкая кочка с бульканьем погружалась вниз.

А из-за реденького ивняка, между кочками и сгорбленными деревьями к Кольке поползли тёмные струи воды.

Вот первая струя, как змея, обвила Колькины ноги. Колька рванулся раз, другой. Но чем больше он рвался, стараясь выбраться, тем глубже погружался в трясину.

— А, и ты тоже из этих самых друзей леса? — приговаривало Гнилое Болото. — Может быть, и ты собираешься бороться против меня? Много таких было. Вон, видишь этих уродов, что сгорбились на кочках? Они тоже хотели победить болото, да не вышло. Смотри, мальчишка, как я поступаю с теми, кто меня рассердил.

В тот же миг чёрные струи окружили ближайшую кочку, на которой росла сосна, и размыли, растащили её по травинке. Сосна задрожала, рухнула, и её покрыла чёрная вода.

— Вот и всё, — сказало Гнилое Болото. — Ха-ха-ха!

Колька рванулся изо всех сил — но с места не тронулся. Холодная трясина крепко держала его за ноги.

— Пусти! — закричал он в отчаянии.

— Как бы не так, — ответило Гнилое Болото.

Колька уже хотел заплакать, позвать на помощь, но тут он увидел на краю болота невысокого седого старичка. Размахивая палкой, старичок спешил прямо к нему.

— Держись, мальчик! Держись!

Росшие на болоте деревца и кусты наклонились и легли от кочки до кочки, как мостки, прямо ему под ноги. Старичок добрался до Кольки и протянул ему руку.

— Вылезай сюда.

Колька подтянулся и влез на качающиеся живые мостки.

— Зачем ты полез в болото? — спросил старичок, как только они выбрались на сухое место.

— Очень надо было. Спасибо, дедушка. К посылке — туда?

— Туда, туда.

— До свидания, дедушка. Я побегу.

— Постой. Ты не Колька Кочерыжкин?

— Колька. А что?

— Как раз ты мне и нужен, Колька Кочерыжкин. Рассказывай всё без утайки: когда ты собираешься вести короедов в Пионерскую рощу?

Колька покраснел.

— Я не поведу короедов в рощу... Я теперь за деревья, а не за короедов...

— Отрадно слышать, — сказал старичок. — Тогда давай познакомимся. Я — Профессор Лесных Наук. Конечно, у меня есть и имя, и отчество, и фамилия, но они — как бы это сказать — несколько трудны для запоминания и произношения. Ещё ни один

человек в мире не смог их выговорить правильно. Поэтому я предпочитаю, чтобы меня называли просто Профессор. И ты можешь называть меня так же. Ну-с, значит, теперь Пионерская роща в безопасности?

— Нет! Нет! Ведь я уже показал короедам дорогу! Они найдут Пионерскую рощу без меня. Если мы их не опередим, то всё пропало!

— Мы их должны опередить, — строго проговорил Профессор. — На какое время назначен поход?

— Главный Короед говорил, что они пойдут завтра утром.

— Утром? Понятно. Тогда нам надо спешить, ведь в нашем распоряжении только вечер и ночь.

У Старого Дуба

Когда Профессор и Колька вышли к Старому Дубу, там их уже ожидали, кроме Мишки, лесник Федот Федотыч, Дятел, Воробей и три муравья из трёх самых больших муравейников.

— Друзья, — сказал Профессор, — положение тяжёлое. Коля говорит, что в поход на Пионерскую рощу собирается весь Короедск в полном составе — и Главный Короед, и Ольховый Листоед, и дровосеки, и трубкавёрты. А скажи, Коля, не ви-

дел ли ты среди них таких лохматых серых гусениц с жёлтыми, синими и красными бородавками на спине?

— Нет, лохматых не было, — подумав, ответил Колька.

— Это хорошо, — сказал Профессор. — Очень хорошо. Гусеницы Непарного Шелкопряда страшнее всех остальных.

Затем Профессор дал каждому поручение. Дятлу поручил встретить птиц из окрестных лесов, леснику Федоту Федотычу — собрать лесную охрану и выкопать на пути короедского войска ловчую канаву*, Мишке Зайцеву — оповестить юннатов всего посёлка.

— А мне что делать? — спросил Колька. — Всем дали поручения, а мне не дали.

— Тебе надо отдохнуть после путешествия, — ответил Профессор. — Иди спать. Спокойной ночи.

— Я не хочу спать, — сказал Колька и тут же зевнул. — Я совсем не хочу спать, — повторил он тише и почувствовал, что глаза его слипаются.

Старый Дуб коснулся веткой его плеча.

— На-ка тебе на память знак наших друзей. — И он протянул Кольке золотистый дубовый листок.

— Итак, — сказал Профессор, — к восьми часам утра все друзья леса собираются в Пионерской роще. Я тоже там буду.

* Ловчая канава — ловушка.

Профессор, Колька и Мишка расстались на улице посёлка. Профессор пошёл на станцию, Мишка — к юннатам, а Колька — домой.

Он так хотел спать, что на все расспросы матери только и смог ответить: «Расскажу завтра». Колька быстро разделся, лёг в постель и заснул.

Дубовый лист, полученный от Старого Дуба, он положил под подушку.

Часть четвёртая

Наутро

Когда Колька проснулся, он первым делом сунул руку под подушку. Дубовый лист лежал на месте: значит, всё, что случилось вчера, было правдой, а не сном.

Колька начал вспоминать всё по порядку, от срезанной на рогатку берёзки до последнего разговора у Старого Дуба. Перед ним встало озабоченное лицо Профессора, когда тот спрашивал про волосатых гусениц с разноцветными бородавками — про этих, как их, Непарных Шелкопрядов.

— Непарные Шелкопряды... Непарные Шелкопряды... — повторял Колька. — Где-то ещё я слышал про них...

И тут он вспомнил радостно прыгающее на краю леса короедское войско, Ольхового Листоёда... Что же он всё-таки ответил тогда на Колькин вопрос?

— Ждём... непар... шелк... — в раздумье повторил Колька и вдруг воскликнул: — Ждём Непарных Шелкопрядов! Вот что он ответил! Как я раньше не догадался об этом!

Колька быстро вскочил, оделся и выбежал на улицу.

Что делать? Куда бежать? Кого предупредить? Профессор в городе. Лесник где-то в лесу. А Старый Дуб? Уж он-то, конечно, на своём месте. Скорее к Старому Дубу!

Увидев Кольку, Старый Дуб качнул могучей ветвью и спросил:

— Почему ты пришёл сюда, а не в Пионерскую рощу?

— Я не пришёл, а прибежал. Я вспомнил: Ольховый Листоед говорил, что они ждут Непарных Шелкопрядов. Потому и в Пионерскую рощу вчера не пошли...

Старый Дуб нахмурился.

— Не видишь ли ты летящих птиц? — спросил он Высокую Сосну.

— Нет, птиц я не вижу, — ответила Высокая Сосна.

— А что происходит на дороге?

— Дорога пуста.

— Коля, ты... — сказал Старый Дуб.

Но тут его перебила Высокая Сосна:

— На дороге показались жуки. Над жуками летят бабочки и ещё кто-то. У них нет крыльев, но они летят.

— Это гусеницы Непарного Шелкопряда, — сказал Старый Дуб.

— Разве гусеницы умеют летать? — спросил Колька.

— Умеют, — ответил Старый Дуб. — Они покрыты длинными волосками, а на конце каждого волоска у них маленький пузырёк с воздухом, и они летят на них, как на воздушных шариках.

— Значит, они такие маленькие и лёгкие?

— Хоть они и маленькие, но необычайно прожорливые. Они не доберутся до Пионерской рощи, если не подкрепятся в пути. Короеды обязательно остановятся здесь, в нашем дубняке, чтобы покормить их.

Плакучая Ива ахнула:

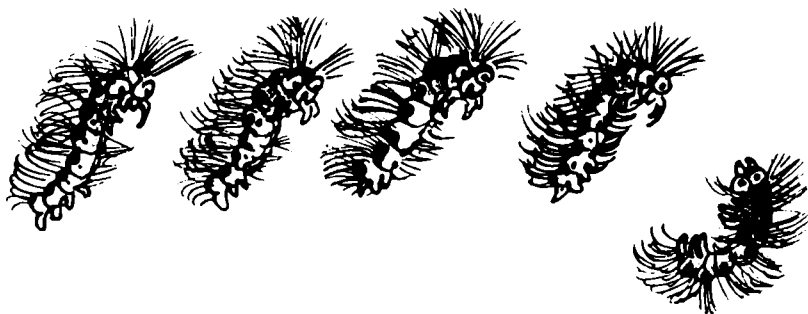
— Ах! Мы пропали! Все люди в Пионерской роще, и нас никто не защитит...

— Я буду вас защищать! — сказал Колька.

Короедское войско приближалось. Впереди бодро шагал Главный Короед, и его усы лихо топорщились. Рядом с ним семенил Ольховый Листоед. Он не мог делать такие же большие

шаги и поэтому, стараясь не отстать, время от времени пускался вприпрыжку. Он выбивался из сил, он уже не мог говорить и только часто-часто дышал.

Но тут летучие гусеницы Непарного Шелкопряда сначала потихоньку, а потом всё громче и настойчивее стали требовать:

— Есть!

— Есть! Есть!

— Есть! Есть! Есть!

— Шелкопрядики... уф... хотят... кушать, — задыхаясь, пролепетал Ольховый Листоед. — Надо... остановиться.

— Ерунда, — отмахнулся Главный Короед. — Кто ест в пути? Дойдём до Пионерской рощи, там поедят.

— Они не долетят.

— Долетят.

Но тут несколько гусениц свалились на землю.
— Они уже падают! — закричал Ольховый Листоед.

Главный Короед недовольно оглянулся и проворчал:

— Придётся останавливаться и кормить их.

— Да-да, они ещё очень слабы. Они ещё слишком малы для такого дальнего похода, — отдуваясь, проговорил Ольховый Листоед. — Мы просто вынуждены остановиться.

Главный Короед поднял вверх один ус, что означало: «Остановиться всем!»

В рядах короедского войска поднялся шум.

— Мы уже пришли?

— Мы уже в Пионерской роще?

— Где Пионерская роща? Я её не вижу, — сказал самый низкорослый жучок — Полосатый Щелкун.

— Ты её не видишь, потому что мал ростом, — ответила Бабочка-монашенка. — И вообще, ты видишь только то, что не дальше твоего носа.

Когда обиженный Щелкун уполз, она тихо сказала подруге:

— А ведь правда, что-то не похоже на Пионерскую рощу. Тогда почему же мы стоим?

— Вон ползёт Дубовый Усач. Надо у него спросить. Эй, Усач, почему мы стоим?

— Гусениц Непарного Шелкопряда надо кормить, — ответил Дубовый Усач. — Потому и встали.

— А долго мы будем стоять?

— Не знаю. Некогда мне с вами болтать, надо искать еду для Шелкопрядов. — И Дубовый Усач уполз.

Вернулся он очень скоро. Бабочки-монашенки даже не успели обсудить услышанную от него новость.

— Тут недалеко, на опушке, хорошенький дубнячок, — сказал Усач. — Наши гусеницы вполне могут там перекусить.

Колька вступает в бой

Жуки свернули с дороги к дубняку, но вскоре остановились: путь им преградила канава, которую вырыли лесники.

Главный Короед повёл удивлённо усами:

— Вчера этой ямы здесь не было. Откуда она появилась?

Ольховый Листоед заглянул вниз и чуть не свалился.

— Это не просто яма, — сказал он, немного оправившись от испуга, — это ловушка. Ловчая канава.

— Пусть будет ловчая канава, — проговорил Главный Короед, — нам она не страшна.

— Вам она не страшна — вы её перелетите, а как же переберёмся мы, которые не умеют летать? — спросил Сосновый Долгоносик.

Но ответа он не услышал, так как от высоты у него закружилась голова и он свалился прямо на дно.

— Придётся искать обходные пути, — сказал Главный Короед. — Ведь не окопали же люди этой проклятой канавой весь лес.

Жуки двигались по одной стороне канавы, а Колька, прячась за кустами и деревьями, шёл по другой. Он слышал, как поскрипывали жёсткие надкрылья жуков, как лязгали их тяжёлые челюсти.

А по временам все эти звуки заглушал настойчивый крик голодных гусениц Непарного Шелкопряда:

— Есть!

— Есть! Ёсть!

— Есть! Есть! Есть!

Деревья на краю опушки слышали всё это и замерли в тревоге.

— Я вижу конец канавы! — крикнул Ольховый Листоед.

— Вперёд! — сказал Главный Короед и первым повернул к лесу.

Навстречу ему из-за кустов выступил Колька.

— Коля! — воскликнул Главный Короед. — И ты здесь? Какая удача! Давай, Коля, ломай скорее ветки и носи их нашим гусеницам.

— Я не буду ломать ветки, — сказал Колька.

— Коля, опомнись, — воскликнул Ольховый Листоед, — ведь ты же короед!

— Я не короед, я — человек, — ответил Колька. — Убирайтесь-ка отсюда.

Он сорвал с головы фуражку и принялся размахивать ею.

В короедском войске поднялась паника.

— У него опрыскиватель! — закричали жуки.

— Лесники! — закричал Ольховый Листоед, упал

114 на спину, поджал лапки и притворился мёртвым.

А когда короедское войско побежало вдоль канавы обратно к дороге, Ольховый Листоед вскочил и тоже пустился наутёк.

Колька не предполагал, что ему так легко удастся отразить атаку короедского войска. Но его радость была преждевременна.

Возвращение Типографа

Улетая и убегая, жуки и гусеницы подняли невероятный шум. Этот шум разбудил Типографа, который всю ночь бродил по лесу и заснул только на рассвете.

Ему давно надоело бродить одному. Он уже не надеялся, что отыщет дорогу к дому и увидит своих родственников и друзей. И вдруг — знакомые звуки.

Типограф со всех ног побежал туда, откуда доносился шум.

Когда он выбрался из леса, короедское войско уже скрылось, и на опушке, возле молодых дубков, был один Колька.

Типограф обрадовался ему, как жуку.

— Здравствуй, дорогой Коля! — льстивым голосом воскликнул Типограф, подползая к Кольке.

— И ты с ними? — сурово спросил Колька.

— С кем?

— С жуками, которые хотели объесть листву на этих дубах?

Типограф быстро сообразил, что Колька почему-то поссорился с жуками.

— Ах, какое безобразие! Как они смели! Все жуки трусы и невежи. Это говорю я, а мне ты можешь поверить. Они всегда готовы залезть на чужое дерево и забрать добычу прямо из-под носа. Помню, нашёл я однажды чудесную ёлку. Раз нашёл, значит, мне и жить в ней. Но тут, откуда ни возмись, нагрянули усачи, и в один миг моя отдельная ёлка превратилась в коммунальную квартиру!..

— Все вы хороши, — махнул рукой Колька. — Одно слово — вредители.

Типограф испугался, что ему сейчас достанется, как досталось другим, он тихо охнул и дрожащим голосом пролепетал:

— Нет, нет, нет! Лично я — не вредитель. Я даже не жук. Я только похож на жука. Я не ем дубовых листьев. Вот спроси у этих дубков, обгрыз я когда-нибудь хоть один дубовый лист.

— Да, — подтвердили молодые дубки, — этот жук никогда не ел дубовых листьев.

— Вот, слышишь? — подхватил Типограф. — Я вовсе не вредный, а, наоборот, полезный.

— Ну ладно уж, иди сюда. Всё-таки вдвоём веселее, — сказал Колька. — Вдруг короедское войско возвратится до того, как все подоспеют.

— А кто должен подоспеть? — насторожился Типограф.

— Как — кто? Птицы, лесники с ребятами, Профессор Лесных Наук.

Типограф поёжился: встреча с птицами не сулила ему ничего хорошего. «Надо уносить ноги, пока цел», — подумал Типограф и спросил:

— Дятел тоже обещал прилететь?

— Конечно. Ты с ним знаком?

— К-как же! — ответил Типограф. — П-правда, я с ним д-давным-давно не в-виделся, н-но мы с ним б-б-близкие д-д-друзья.

— С кем ты там беседуешь? — вдруг спросила молодая Осинка.

— Да тут встретился один знакомый жук, — ответил Колька.

— Как же его зовут?

— Типограф.

— Не слышала о таком. А ты, бабушка Берёза? Берёза покачала ветвями:

— Нет, не знаю.

Типограф притаился ни жив ни мёртв. «А вдруг они спросят у ёлки? — со страхом думал он. — Тогда мне конец. Уж ёлки-то расскажут, как они от моих

рисунков засыхают на корню... Нет, надо бежать, пока не поздно».

Типограф юркнул за куст, прополз под опавшим листом и со всех ног бросился за убегающим короедским войском.

Короедское войско бежало, летело, ползло, катилось, прыгало, ничего не видя вокруг, не разбирая дороги. Но Типограф был напуган больше самой трусливой букашки и поэтому нёсся ещё быстрее.

Вскоре он обогнал гусениц, потом жуков и очутился впереди всех.

— Эй, Типограф, ты откуда? — окликнул его Главный Короед.

— От Дятла спасаюсь.

— Как — от Дятла? Ведь там Колька с опрыскивателем.

— И лесники, — добавил Ольховый Листоед.

— Никаких лесников там нет. Один Колька, у него нет ничего, кроме фуражки.

Главный Короед побежал медленнее.

— А ты не врёшь?

— Нет, нет, не вру.

— Ты сам видел?

— Конечно. И Колька мне сказал, что нас только

118 двое. То есть он и я. Я убежал, а он остался.

— Пстой, пстой! — Главный Короед остано-
вился и грозно поднял усы. — Он и ты. Значит, ты
поднял такой тарарам и напугал нас? Отвечай, не-
годяй!

Типограф задрожал:

— Я н-не п-пугал... Я... То
есть он... То есть не я и не
он... То есть он од-дин...

— Ничего не понимаю, —
проворчал Главный Короед. —
Он и ты или не ты?..

Короедское войско, ви-
дя, что его предводитель
остановился, мало-по-
малу начало прихо-
дить в себя, и всё, что
только что бежало,

летело, прыгало и катилось, приостановило своё стремительное движение и окружило Главного Короеда и Типографа.

— Ты или не ты? — продолжал Главный Короед грозный вопрос.

— Я, то есть не я... — лепетал вконец запутавшийся Типограф. Он совсем растерялся.

— Я слышала, как он сам говорил, что он не жук, а только похож на жука, — сказала маленькая гусеница. Она была очень медлительная и, когда Типограф разговаривал с Колькой, ещё не успела убежать далеко от опушки.

— М-да, я давно это подозревал, — грозно проговорил Главный Короед. — Он не жук. Настоящие жуки не умеют читать, а он умеет даже писать.

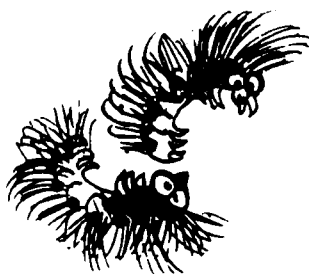
— П-п-п-простите... П-п-п-пощадите... Я с-с-сейчас всё объясню... Я — жук. Честное слово, я жук!.. Я притворился, что я н-не жук! Я тоже неграмотный!

Неожиданно за Типографа вступился Ольховый Листоед.

— Уважаемый Главный Короед, — проговорил он, выступая вперёд, — бедный Типограф слишком волнуется. Позвольте мне сказать за него. Типограф говорит, что он притворился.

120 Но во время военных действий притворство

носит другое название — военная хитрость. В последнем сражении я тоже прибегнул к военной хитрости. Вы видели, как я ловко притворился мёртвым?

— Ишь ты! — удивился Главный Короед. — А я не думал, что наш Типограф такой хитрый. А ведь правда, он мне сообщил важную новость. Оказывается, Колька один на всю опушку, один на весь лес, и у него нет опрыскивателя.

— Да, да, — подтвердил Типограф, — совершенно один, и у него нет опрыскивателя.

— Странно, почему мы этого не заметили, — задумчиво сказал Главный Короед. — А вот Типограф заметил. Молодец, Типограф. А теперь — в обратный путь. Мы всё-таки накормим наших Шелкопрядов.

Три минуты на размышление

Прошло довольно много времени с тех пор, как Типограф скрылся за кустом.

— Эй, Типограф, ты где? — позвал Колька.

Типограф не отзывался.

Тогда Колька наклонился и заглянул под куст. Там никого не было.

— Убежал! — удивлённо воскликнул Колька. — Оставил меня одного, а ещё говорил, что полезный.

— Жукам никогда нельзя верить, — заметила Осина, — кроме того, я сомневаюсь, чтобы он был полезным.

— Подождите! — вдруг воскликнула Пихта. — Как вы говорите — Типограф?

— Да, Типограф, — подтвердил Колька.

— Тогда я его знаю. Вреднейший жучонка. Спросите о нём у любой ёлки, его все знают. Сколько ёлочек он изгрыз!

— Эх и провёл же он меня! — с досадой сказал Колька. — Небось жуки нарочно подослали его ко мне шпионить.

В это время издали донёсся глухой шум. Это возвращалась короедская армия.

Вот показался Главный Короед, вот Ольховый Листоед, а рядом с ними Жук-часовщик и Типограф. Они остановились немного поодаль. Главный Короед громко крикнул:

— Мы знаем, что ты здесь один и что у тебя ничего нет, кроме фуражки. Сдавайся! Иначе мы тебя искусаем, изгрызём, источим, как сухой пень. Даю тебе три минуты на размышление.

Главный Короед присел на задние лапы и приказал:

— Тикай, Часовщик! А ты, Ольховый Листоед, считай.

Жук-часовщик принялся тикать, а Ольховый Листоед — считать.

— Одна минута... Одна минута с половиной... — Время от времени он спрашивал Кольку: — Ты думаешь?

— Даже и не думаю, — отвечал Колька.

— Зря. Я тебе всё-таки советую подумать. Две минуты... Две минуты с половиной... Три минуты... Сдаёшься?

— Нет, — твёрдо ответил Колька.

— Тогда пеняй на себя, — сказал Главный Короед, и все четыре жука скрылись за кустами, где находилось короедское войско.

Военная хитрость

— Есть! Есть! Есть! — на разные голоса вопили гусеницы Непарного Шелкопряда. Они почуяли запах дубовой листвы, увидели дубовую рощицу, сверкающую молодой зеленью с красными искорками совсем молоденьких листочков, и уже не хотели слушать никаких уговоров.

— Вперёд! Вперёд! — закричал Главный Короед и пополз на Кольку, выставив, как пики, свои усы

— Вперёд! Вперёд! — подхватил Ольховый Листоед. — Чёго же вы не летите?

Тяжёлые майские жуки поднялись в воздух. За ними двинулись дровосеки и древоточцы.

Бабочки-монашенки взмахнули крыльями и, толкаясь, полетели реденьким серым облачком.

Гусеницы принялись деловито отмеривать шаги: раз — передние ноги вынесли вперёд голову, два — хвост подтянут к голове.

Мелкие короеды, сомкнув чёрные блестящие спины, шли сплошной чёрной колонной.

Хотя все отряды двинулись одновременно, прежде всех подлетели к Кольке майские жуки.

Первый жук стукнул Кольку прямо в лоб и свалился на землю. Кожа на Колькином лбу сразу покраснела. Ему было больно. Но когда идёт бой, разве обращают на это внимание? Колька даже не потёр лоб. Он сорвал с головы фуражку и принялся ею сшибать жуков.

Жуки налетали и справа, и слева, и спереди, и сзади. Колька только успевал поворачиваться. Его заслуженная фуражка, не раз заменявшая футбольный мяч, так и мелькала в воздухе.

Теперь она стала грозным оружием. Атака была отбита.

Бабочки, увидев валяющихся повсюду в траве майских жуков, в испуге разлетелись в разные стороны.

А когда подросли дровосеки, древоточцы и мелкие короеды, Колька взялся за палку.

— Вперёд! — кричал Ольховый Листоед.

— Вперёд! — пискнул Типограф.

Колька замахнулся палкой, и короедское войско откатилось назад.

— Надо всем вместе! — кричал Главный Короед. — Всем вместе!

Но было поздно. Расстроенная армия была не способна на новый штурм.

— Хоть бы ты провалился сквозь землю! — со злобой глядя на Кольку, воскликнул Главный Короед.

— А что, если он действительно провалится? — хитро усмехнувшись, спросил Ольховый Листоед.

— Не говори глупостей! — оборвал его Главный Короед.

— Мои слова не так уж глупы, — обиделся Ольховый Листоед. — Надо напустить на мальчишку проволочников и корнегрызов.

Главный Короед махнул лапой:

— Уж если короеды ничего не смогли поделаться, то проволочники и подавно не смогут.

Но Ольховый Листоед поднялся на цыпочки и что-то зашептал Главному Короеду на ухо.

Главный Короед слушал, слушал, потом радостно воскликнул:

— Правильно! Позвать ко мне проволочников и корнегрызов!

Колька сидел на пенёке, отдыхая после битвы с майскими жуками. Вдруг он почувствовал, что пенёк слегка зашевелился. Колька встал и осмотрел его со всех сторон. Пенёк стоял как стоял.

«Наверное, показалось», — решил Колька и снова уселся на пенёк.

В ту же минуту земля под его ногами стала проваливаться.

Колька хотел вскочить на ноги, но было поздно: проволочники и корнегрызы уже подрыли землю, подгрызли корни, и он вместе с пнём провалился в яму. Комья земли посыпались за шиворот и в ботинки, мелкая пыль запорошила глаза.

— Молодцы проволочники! Молодцы корнегрызы! — услышал Колька радостный голос Главного Короеда.

Пока Колька выбирался из ямы, пока протирали запорошённые пылью глаза, короедская армия ринулась мимо него в лес, и лохматые гусеницы

поползли вверх по стволам молодых дубков и принялись есть листья.

Вдруг до Кольки донёлся испуганный крик бабочки:

— Синицы!

— Синицы! Синицы! — подхватили остальные. — Они склюют наших гусениц!

— Синицы! — крикнул Колька. — Эй, синицы, сюда!

Но синицы не слышали его, они спешили, как было условлено, к Пионерской роще.

Быстрая стая промелькнула над лесом и скрылась.

И снова гусеницы принялись за своё злое дело. Их было так много, что на каждый лист приходилось по три, а то и по четыре гусеницы.

— Всё пропало! — чуть не плача, сказал Колька. — И никто не знает, что мы здесь попали в беду.

Профессор вспоминает про Непарных Шелкопрядов

Профессор имел обыкновение всё, что он делал или видел, о чём слышал или думал, подробно записывать в толстую тетрадь. Потом он перечитывал свои записи и делал пометки.

Пометки были разного рода: короткие и длинные.

Когда Профессор писал одну букву «О», он радостно улыбался, потому что эта буква обозначала слово «Отлично». Он писал её, когда всё, что нужно, было сделано хорошо и до конца.

Иногда в тетради появлялась пометка из двух букв «Н. П.». Написав эти буквы, Профессор морщил лоб и прикладывал ко лбу указательный палец: «Н. П.» обозначало «Надо подумать».

Хмурился он и тогда, когда писал три буквы «М. С. Л.». Это значило: «Можно сделать лучше». Профессор не любил плохо сделанных дел, и буквы «М. С. Л.» очень редко встречались в его тетради. А если и попадались, то вскоре после того, как они были написаны, в тетрадке появлялись сразу две пометки: «П» и «О». Первая значила: «Переделано», а что значила вторая, вы уже знаете.

Была и ещё одна пометка. Её Профессор сделал всего раз или два в жизни. После этого он целую неделю ходил больной и называл себя дураком и болваном. Эта пометка состояла из целых десяти букв:

Т.Б. О.П.Н.Б.Э.С. Н.П.

и означала: «Глупость! Безобразие! Очень плохо! Надо было делать совершенно не так!»

Профессор любил короткие пометки и очень не любил длинные.

Проводив Кольку, Профессор сел на поезд и вернулся домой. Дома он развернул свою толстую тетрадь в зелёном переплёте и описал всё, что произошло за этот богатый событиями день. Описал прилёт Воробья, Колькины приключения и разговор у Старого Дуба, записал он и всё, что было там решено.

Окончив писать. Профессор перечитал написанное и с удовлетворением поставил букву «О».

— Отлично! Конечно, отлично! — приговаривал он. — Коля из врага стал другом леса. Против нападения короедского войска приняты меры.

И вдруг Профессор задумался и, зачеркнув «О», написал: «Н. П.».

— Надо подумать, все ли нужные меры приняты? — сказал он сам себе и сам себе ответил: — Нет, не все. Мы не учли, что на Пионерскую рощу всё же может напасть Непарный Шелкопряд. Может быть, Коля просто не заметил лохматых гусениц.

И Профессор, зачеркнув «Н. П.», написал: «М. С. Л.».

— Конечно, это дело можно было сделать лучше. Необходимо было сделать лучше.

Профессор достал с полки самую толстую книгу, быстро пролистал её, потом схватил листок чистой бумаги и стал быстро писать столбики мелких цифр. Он прибавлял, отнимал, делил, умножал целую ночь и, наконец, когда уже наступило утро, вывел крупными буквами: «Сегодня гусеницы Непарного Шелкопряда выползают из яичек».

— Что я наделал! — воскликнул Профессор. — Как я мог это забыть! Коля потому их и не видел, что они только сегодня должны появиться на свет.

Профессор перечеркнул только что написанные им три буквы «М. С. Л.» и, разбрызгивая чернила и ставя кляксы, через всю страницу начертил огромную, жирную, возмущённо кричащую каждой буквой, каждой точкой надпись: «Г. Б. О. П. Н. Б. Д. С. Н. Т.!!!»

Поставив последний восклицательный знак, Профессор схватил шляпу и выбежал на улицу.

Почему их нет в Пионерской роще?

Для Кольки время тянулось необычайно медленно. Никогда он не думал, что минуты могут быть такими длинными.

Зато Профессору никогда не казалось, что время летит так быстро.

«Только бы успеть, только бы успеть», — думал он, сидя в вагоне поезда, и не менее трёх раз в минуту смотрел на часы.

Ему казалось, что поезд едет слишком медленно. На первой же станции он подошёл к машинисту.

— Товарищ машинист, — сказал Профессор, — вы не можете ехать побыстрее?

— Поезд идёт точно по расписанию, гражданин, — ответил ему машинист.

— Но понимаете, если я опоздаю, то гусеницы съедят Пионерскую рощу.

— Не волнуйтесь, гражданин, — сказал машинист, — я вас прекрасно понимаю. Мы поедем так быстро, как только может паровоз, и даже ещё быстрее. Гусеницы не должны съесть Пионерскую рощу.

Машинист повернул ручку, паровоз загудел и помчался вперёд так быстро, как только мог, и даже ещё быстрее.

Весь путь от станции до Пионерской рощи Профессор бежал бегом.

— Непарный Шелкопряд! — крикнул он, увидев людей у Пионерской рощи. Он был так взволнован, что даже не поздоровался, хотя

всегда был очень вежливым и никогда не забывал говорить «здравствуйте», «пожалуйста» и «спасибо».

— Где Непарный Шелкопряд? — спросили лесники и юннаты.

— Здесь! У вас!

— У нас никого нет, — ответил лесник Федот Федотыч. — Ни одного жука, ни одной гусеницы.

— Сегодня гусеницы Непарного Шелкопряда выползают из яичек! — воскликнул Профессор. — Недаром жуки назначили поход на сегодня. Чтобы накормить гусениц, им надо много молодой листвы!

— Нет, не было здесь ни жуков, ни гусениц, — повторил Федот Федотыч.

Профессор хлопнул себя ладонью по лбу:

— Понимаю! Для молодых гусениц путь от Короедска до Пионерской рощи слишком велик. Они обязательно должны подкрепиться в дороге. А где они могут найти себе пищу? Конечно, в дубовой роще, возле Старого Дуба. Надо спешить туда.

Профессор поглядел на часы и схватился за голову:

— Они бесчинствуют в дубняке уже полчаса! Представляю, что там сейчас творится. Скорее, скорее туда!

Победа

Колька был в отчаянии.

— Всё пропало! — твердил он. — Всё пропало!

Так прошла целая минута, а может быть, две. Наконец он опомнился и с криком бросился к деревьям. Схватив ближайший дубок за тонкий ствол, Колька потряхнул его что было силы. Гусеницы дождём посыпались вниз.

— Так вас! Так вас! — кричал Колька, бегая от дубка к дубку.

Вдруг как будто хлопья снега залепили ему глаза.

«Бабочки», — догадался Колька и замахал руками, разгоняя их.

В ту же минуту он почувствовал, как кто-то клюнул его в ухо. Бабочки вмиг разлетелись, и Колька увидел Воробья.

— Ах, извини! — пискнул Воробей. — Я никак не предполагал, что кто-нибудь находится в этой стае.

— Ничего, мне не больно, — сказал Колька. — Скорее принимайся за гусениц.

— Гусеницами заняты кукушки, — ответил Воробей и полетел догонять улетающую бабочку.

Колька поглядел на дубки и увидел в их густых ветвях множество синиц, кукушек и разных

других птиц. С громкими криками они прыгали с ветки на ветку и одну за другой склёвывали с листьев толстых лохматых гусениц с бородавками на спинах.

— Молодцы! — крикнул Колька. — Клюйте их, а я займусь жуками.

С дальнего конца лужайки на Кольку надвигалась чёрная жужжащая туча.

Колька встал, крепко, как моряк во время шторма, расставил ноги и приготовился грудью встретить атаку.

— Эй! Короеды! Подходи, кто не боится!

Но короедское войско не останавливалось, казалось, никто не видел и не слышал Кольку.

Жуки действительно не слышали и не видели его. Их гнал вперёд непреодолимый страх, какого они не испытывали ещё никогда.

Типограф споткнулся и сломал лапку.

— Подождите меня! — кричал он.

Никто, конечно, не обращал на него внимания. Тогда Типограф ухватился за проползавшего мимо него Майского Жука. Но жук неожиданно поднялся в воздух. Типограф, не удержавшись, полетел вниз и провалился в какую-то глубокую щель.

Чёрная туча налетела на Кольку и пронеслась дальше. Только тут Колька увидел, что от дороги и из леса идут люди с дубовыми листьями

на фуражках, кепках, беретах, платочках, с такими же дубовыми листьями, какой дал Кольке Старый Дуб.

Вон идёт Профессор, вон лесник Федот Федотыч, вон учитель Иван Семёнович, а вон Мишка Зайцев и за ним ещё много-много ребят — наверное, вся школа. Колька увидел многих своих одноклассников. А вон ребята из четвёртого, из пятого, из шестого классов. А вон даже из другой школы. Как много у леса друзей!

Профессор бросился к дубкам и остановился. — Какое счастье! Гусеницы почти не повредили их. О, да я вижу, тут была настоящая битва! Смотрите, сколько жуков валяется вокруг!

И тут Профессор увидел Кольку.

— Это ты сражался здесь? — спросил он.

Оглавление

/

Часть первая

Колька и Старый Дуб	5
Начинаются неприятности	10
Неожиданная помощь	14
Короедск	20
Самый учёный жук	26
Колька становится короедом	33
Часы, которые умеют только тикать	41

Часть вторая

Колька грозит	44
Неприятное известие	47
Тревога в лесу	51
Где находятся уроки?	54

Типограф уходит в разведку, а жуки встречаются с Колькой	58
Первая встреча с Бревном	63
Воробей ничего не напутал	66
Редкий вид лесного вредителя	68
Жуки видят Пионерскую рощу	71
Колька попадает в плен	77

Часть третья

Колька пропал	84
Кольку Кочерыжкина Профессор берёт на себя	87
Колька смотрит книгу, которую оставил ему Дятел	89
Сон, приснившийся Кольке	91

Вторая встреча с Бревном	93
У Профессора появляются надежды	96
Колька обнаруживает свою ошибку	98
В Гнилом Болоте	99
У Старого Дуба	104

Часть четвёртая

Наутро	107
Колька вступает в бой	113
Возвращение Типографа	115
Три минуты на размышление	121
Военная хитрость	123
Профессор вспоминает про Непарных Шелкопрядов	127
Почему их нет в Пионерской роще?	130
Победа	134

Муравьёв Владимир Брониславович
Приключения Кольки Кочерыжкина
Художник Леонид Владимировский

Для детей дошкольного и младшего школьного возраста

Главный редактор Г. Пырьева
Ответственный редактор О. Василиади
Художественный редактор В. Беляева
Корректор Е. Серебrenикова
Вёрстка, обработка иллюстраций
А. Ероховой
Руководители издательства:
Л. Янковский, И. Костромитин

Подписано в печать 22.02.2017
Формат 70 × 100/16
Гарнитура Serif
Усл. печ. л. 11,7
Тираж 5000 экз.
Заказ № 1703970

ООО «Издательство «Речь»
199178, Санкт-Петербург, а/я 96
Тел.: (812) 323-90-63
Телефон московского представительства:
(495) 621-55-97
rech@rech-deti.ru
www.rech-deti.ru

По вопросам оптовых закупок
обращаться по телефону:
(812) 323-90-63
или по электронной почте:
sale@rech-deti.ru

Отпечатано в ООО «Ярославский
полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97
www.jpk.bertelsmann.ru

6+

